

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Кафедра «Русский язык, литература и лингвокриминалистика»

45.04.01 Филология

(код и наименование направления подготовки, специальности)

Лингвокриминалистика

(направленность (профиль))

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

на тему «Инвектива как речевое явление в художественном тексте»

Студент(ка)	Е.И. Каракаш	_____
Научный руководитель	канд. фил. наук, доцент Т.И. Мартынова	_____
Консультанты	_____	_____

Допустить к защите

И.о. заведующего кафедрой канд.пед.наук, доцент
М.Г. Соколова

« _____ » _____ 2017 г.

Тольятти 2017

СОДЕРЖАНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ	2
ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ИНВЕКТИВА КАК ОБЛИЧИТЕЛЬНОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ В КОММУНИКАТИВНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ	11
1.1. Интерпретации инвективы в современной науке	11
1.2. Инвектива в лингвистическом аспекте и ее связь с речевым актом.....	18
1.3. Структура инвективы с точки зрения коммуникации.....	25
1.4. Текст как единица коммуникации: лингвистические признаки	36
ГЛАВА 2. РЕАЛИЗАЦИЯ ИНВЕКТИВНОГО РЕЧЕВОГО АКТА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ	45
2.1. Художественный текст как семиотическое явление и его связь с лингвокультурологией	45
2.2. Проявление инвективы на лексическо-семантическом уровне в произведениях А. Ахматовой	53
2.3. Проявление инвективных выражений на уровне синтаксиса в произведениях А. Ахматовой	62
2.4. Анализ грамматических категорий обличительных высказываний и их функция в стихотворениях А. Ахматовой	69
2.5. Композиционное выражение инвективы в поэме А. Ахматовой «Реквием» и цикле «Черепки»	74
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	86
СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	90

ВВЕДЕНИЕ

Термин «инвектива» в современном языкознании используется довольно часто. Сегодня это понятие употребляется преимущественно в области лингвистики и социологии. Актуально оно и в политологии, юриспруденции, психологии, литературоведении и некоторых других дисциплинах. В данной работе рассматриваются основные представления об инвективе, нашедшие отражение в лингвистике и других смежных науках, и дается определение инвективы. Также исследуются синонимичные понятия: «инвективное высказывание», «обличение», «оскорбление», «выпад», «наезд», «сатира» и т.д.

Инвективу от обычной экспрессии в тексте отличает то, что оскорбление всегда имеет иллокутивную направленность на адресата или третье лицо. Помимо этого, к признакам обличительного высказывания на речевом уровне относят гневный пафос говорящего, приказной тон (амплификацию), употребление личных местоимений.

Во многих случаях восприятие высказывания зависит от совокупности смысла входящих в него лексем, но нередко и самые обычные слова могут стать обличительными, если в них заложена ирония. В устной речи ее помогает определить недоброжелательный тон собеседника, в письменной – контекст и выводимая из него информация.

В языкознании инвектива также трактуется многими исследователями по-разному. Так, в конце 90-х гг. XX века В.И. Жельвис дает инвективному речевому явлению определение «оскорбительное обращение», называя его синонимом сквернословия [Жельвис 2001, с. 11-14]. Ученый полагает, что сила инвективного высказывания напрямую зависит от степени стресса, который испытывает говорящий. Это может быть и катарсис, и прямое обличение. Однако четкого разграничения инвективы и системы ее употребления у Жельвиса нет.

В работе Г.В. Кускова под названием «Оскорбление как иллокутивный лингвокультурный концепт» раскрывается понятие инвективной лексики и фразеологии. По мнению исследователя, основу оскорбительного высказывания составляют *тезаурусы*. Их он выделяет 3: бранный литературный (дев-ка), разговорно-обиходный (негодяй, подлец) и общеупотребительный, относящийся к книжной лексике (вор, мошенник) [Кусков 2004, с. 12-13].

А.Ю. Позолотин, так же, как и его предшественники, видит в инвективном типе речи разновидность ругательства. Ученый делает акцент на семантике обличительных высказываний, отмечая, что они могут иметь как прямое, так и метафорическое значение [Позолотин 2005, с. 9-10].

А.В. Курьянович заявляет о значимости контекста в языковой инвективе, утверждая, что слово нейтральное, стоящее в окружении других, эмоционально окрашенных лексем, может перенимать их свойства [Курьянович 2005, с. 109-110]. Речь идет о построении модели предложения, содержащего как прямую, так и косвенную агрессию (коммуникативные и когнитивные функции инвективы).

В трудах Н.Д. Голева рассматривается термин «инвектива» как синоним речевого жанра ссоры. В качестве примера указывается на стиль В.М. Шукшина. Язык героев его произведений рассматривается автором исследования как способ решения проблемы художественного оформления речи персонажей. Все их разговоры просты и вместе с тем убедительны [Голев 2000, с. 159-160].

Распространено мнение, что инвектива должна быть выражена в «неприличной форме», т.е. в форме, не соответствующей критериям, принятым в языковой культуре общества. И, хотя грань между гневным выпадом и оскорблением недостаточно четкая, эти термины не синонимичны, потому что «оскорбление=унижение», а «инвектива=обличение». За оскорбление предусмотрена ответственность по закону, а вот требования к характеру реализации инвективы в речи менее жесткие и определяются уже лингвистами, а не юристами.

Многие языковеды указывают на то, что инвективным можно признать и высказывание, не нарушающее норм литературного языка. Например, К.И. Бринев выделяет 2 вида выражений инвективного типа: 1) внелитературные («жесткие»), состоящие из жаргонизмов, диалектов и обценной лексики; 2) литературные («нежесткие») высказывания, содержащие в себе перечисленные выше признаки обличения. Поскольку во втором случае нецензурных слов в своем составе инвектива иметь не будет, само высказывание также смягчится [Бринев 2009, с. 99-102].

Анализируя литературный текст, важно помнить: пространство произведения – это особое измерение, в котором действия происходят с участием лирических героев, образов, созданных автором, а не реальных людей. Читатель, воспринимающий текст, является «зрителем» представленных в книге событий. И инвектива может быть направлена исключительно на героев произведения.

Поскольку художественный стиль ставит перед автором ограничения (запрет на сниженную лексику, бранные слова и т.д.), в литературе обличения, как правило, редко бывают грубыми. Чаще всего они выражены в виде метафор, сравнений и иронии. Также имеются признаки грамматического характера. С.А. Матяш выделяет среди них формы местоимений, которые создают оппозиции «я – ты», «я – вы», реже «мы – вы». Другой признак заключается в переходности глагольных наклонений (например, из изъявительного в повелительное или в условное). Временные формы глаголов также могут сменяться: «прошедшее – настоящее – будущее» [Матяш 2007, с. 36-41]. Так, Г.М. Бралина отмечает случаи, когда звено «настоящее время» выпадает. И инвектива, как следствие этого, звучит более жестко [Бралина 2008, с. 4-5]. Мы считаем, что временные категории лучше всего просматриваются при композиционном анализе произведения. Известно, что композиция включает в себя не только основные сюжетные связи, но и расстановку персонажей, монтаж деталей, диалоги и монологи героев. В стихотворном произведении к перечисленному добавляется ритм и рифма.

Ахматовская лирика не отличается обилием резких высказываний. Инвективы содержатся преимущественно в произведениях 30-х годов, а также в сборнике «Бег времени», вышедшем в 1965-м. В него вошли стихотворения, ранее не пропущенные цензурой из-за их обличительной направленности. Поэтому в данной работе проводится комплексный лингвистический анализ стихотворений Ахматовой из вышеназванного сборника и поэмы «Реквием» в трех основных аспектах: композиционном, синтаксическом и лексическом.

За основу берется следующее утверждение: инвектива – это речевое явление, которое воплощается в устной и письменной речи в процессе коммуникации между адресантом и получателем сообщения. Речевой акт – одна из форм организации процесса общения, неразрывно связанная с прагматикой (отношением знаков к субъектам), которая, в свою очередь, является одним из разделов семиотики (знаковой системы) коммуникации. Так, зная значение ключевого образа-символа, можно с большей точностью определить интенцию (намерение) говорящего, а значит, определить характер инвективы и ее функции в конкретном тексте.

Поскольку термин «инвектива» появился значительно позже, чем произведения А.А. Ахматовой, целенаправленно поэтесса не выделяла в своем творчестве обличительных высказываний в коммуникативно-лингвистическом аспекте. Мы же рассмотрим ее произведения с точки зрения современной науки.

В настоящее время нет исследований, в которых инвектива рассматривалась бы как речевой акт обличения на материале русской поэзии. Поэтому **актуальность** нашей работы связана с недостаточной изученностью структуры инвективы как речевого явления и коммуникативно-прагматических средств ее выражения в художественном тексте, в частности, в поэзии А. Ахматовой.

Объектом исследования явилась поздняя лирика А. Ахматовой: стихотворения из сборника «Бег времени» и поэма «Реквием».

Предмет исследования: инвективные высказывания в текстах поэзии Ахматовой.

Цель данной магистерской диссертации – рассмотрение инвективы в качестве речевого явления, ее функций и структуры инвективного речевого акта в поэзии А. Ахматовой.

Настоящая работа призвана решить следующие **задачи**:

- 1) выявить построение и коммуникативную роль инвективы;
- 2) уточнить особенности употребления инвективы как речевого явления в художественном тексте;
- 3) проанализировать речевые высказывания в лирике Ахматовой, определить их функции и структуру на примере конкретных произведений.

Методы, используемые в нашем научном сочинении:

- 1) метод выборки произведений;
- 2) метод анализа;
- 3) структурно-описательный метод.

Научная **новизна**: на материале творчества Ахматовой описана лексико-семантическая, грамматическая и коммуникативная структура инвективы. Выявлены стихотворные тексты, в которых содержится речевая инвектива персонажей.

В ходе работы были выявлены следующие **проблемы**:

1. Нет однозначной трактовки происхождения инвективы, отсюда неопределенность ее принадлежности к определенной научной сфере.
2. Затруднительно выявление структуры инвективы в литературном произведении.
3. Существующие труды не содержат четкого описания функций инвективы с точки зрения коммуникации в художественном тексте.

Отсюда, положения, выносимые на защиту:

1. Инвективные высказывания рассматриваются в работе в качестве коммуникативного явления, функции которого можно проследить посредством языкового и прагматического анализа речи героев.

2. Инвектива обладает специфической семантической, грамматической и синтаксической структурой, состоящей из элементов «обвинение – доказательство – угроза», выступающих в текстах в разной последовательности и различных объемах.

3. В художественном тексте инвектива используется в качестве дополнительного средства выразительности, придавая речи героев яркость и усиливая идейную направленность произведения.

Теоретическая значимость работы: данное исследование позволяет внести определенный вклад в изучение инвективы как речевого акта в структуре поэтического текста.

Практическая значимость: результаты диссертации могут быть использованы в разработке лекционных и практических курсов по теории коммуникации в художественном тексте, а также при изучении лингвистической стороны творчества А. Ахматовой.

Апробация. Материалы данного исследования были представлены в виде докладов на международной научно-практической конференции «Перспективы развития современных гуманитарных наук» в декабре 2016 г. («ИЦРОН»), а также на студенческих конференциях «Дни науки ТГУ» в 2015 и 2016-м годах с последующими публикациями.

Структура работы обусловлена целями и задачами исследования. Данная диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и библиографического списка.

Во введении обосновывается выбор темы и ее актуальность, рассматривается история вопроса, раскрываются основные проблемы, связанные с изучением инвективы, характеризуются объект и предмет исследования, формируются цель и задачи диссертации, обозначаются основные проблемные вопросы исследования, определяются положения, выносимые на защиту, указываются научная новизна, апробация, теоретическая и практическая значимость работы.

В первой главе «Инвектива как обличительное высказывание в коммуникативно-лингвистическом аспекте» данное явление описывается с точки зрения языкознания и структуры речевого акта. Выявлены основные коммуникативные законы и признаки инвективы. К ним относятся: соответствие названия/ темы содержанию текста/речи; смысловая и идейная завершенность; соответствие стилю, литературная обработанность высказывания/текста; наличие целостности и сверхфразовых единств; целенаправленность и прагматическая установка. Также обязательно наличие адресата высказывания, иллокутивной интенции говорящего и признания слушающим обличительной направленности.

В параграфе 1.1. формулируется понятие инвективы в современном языкознании, обозначаются основные вехи исследования этого явления в отечественной науке. Анализируются точки зрения ученых по вопросам природы инвективы в различных сферах общества, дается структура вышеназванного явления. Поднимается проблема выделения четких инвективных признаков в языкознании.

В параграфе 1.2. рассматривается инвектива в лингвистическом аспекте и показывается ее связь с таким коммуникативным явлением, как речевой акт. Характеризуются и описываются признаки инвективы в речи и тексте.

В параграфе 1.3. рассматривается структура инвективы как особого речевого акта, выделяются ее основные признаки как в устной, так и в письменной речи.

В параграфе 1.4. исследуются лингвистические признаки текста как целостного феномена. Указываются основы его построения, значение лексического, грамматического и синтаксического аспектов.

Во второй главе «Реализация инвективного речевого акта в художественном тексте» на анализе конкретных произведений – стихотворений из книги «Бег времени» и поэмы «Реквием» - раскрываются особенности инвективы как коммуникативно-языкового явления в поэзии А.А. Ахматовой. Исследуется специфика употребления обличительной речи в лирике поэтессы.

В параграфе 2.1. анализируются особенности художественного текста. Поясняются его отличия от других видов письменной речи с точки зрения семиотики. Выделяется связь анализа художественного текста с точки зрения лингвокультурологии.

В параграфе 2.2. устанавливаются типичные для творчества Анны Ахматовой лексико-семантические особенности ее произведений, через которые выявляется инвектива, приводятся примеры из конкретных стихотворений.

В параграфе 2.3. выявляется синтаксический аспект инвективы в произведениях А. Ахматовой на примере ее лирики. Устанавливается характер субъектно-объектных отношений в поэтических текстах.

В параграфе 2.4. определяется структура инвективных высказываний в поэзии Анны Ахматовой. Рассматриваются стихотворения на основе грамматических категорий текста.

В параграфе 2.5. проводится композиционный анализ лирики Ахматовой, указываются критерии силы обличения героев, выявляется тип адресата высказывания (явный либо скрытый).

В заключении подводятся итоги проведенного исследования.

Библиографический список насчитывает 115 источников.

ГЛАВА 1. ИНВЕКТИВА КАК ОБЛИЧИТЕЛЬНОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ В КОММУНИКАТИВНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

1.1. Интерпретации инвективы в современной науке

Исследователи отмечают, что остается еще множество вопросов, связанных с выявлением четких рамок речевого акта призыва и оскорбления. С целью прояснения языковой стороны данных явлений и введено понятие «инвектива». Как полагают ученые, в лингвистику оно пришло из юридической области. Согласно словарю иностранных слов под редакцией Н.С. Арапова, под инвективой понимается «резкое выступление против кого-либо, чего-либо: оскорбительная речь, брань, выпад» [словарь иностранных слов под ред. Н.С. Арапова 1999, с. 93].

Различают инвективу в широком и в узком смыслах. Последнюю можно определить как способ существования словесной агрессии, воспринимаемый в данной социальной подгруппе как резкий или табуированный. В широком смысле это словесное нарушение этики в обществе, совершенное с помощью запрещенной (непристойной, непечатной) лексики. По этой причине в некоторых источниках, например, в книге В.И. Жельвиса «Поле брани», 2001 г., инвективные высказывания приравниваются к обценным [Жельвис 2001, с. 11-14].

Для того чтобы отличить инвективу от обычной экспрессии в тексте, необходимо помнить, что оскорбление всегда имеет иллокутивную направленность на адресата или третье лицо. Кроме того, к признакам обличительного высказывания на языковом уровне относят: гневный тон говорящего, приказ (амплификацию), употребление личных местоимений.

В юриспруденции тоже есть речевое явление, обладающее признаками инвективного речевого акта. В его структуре также присутствуют адресант, гневное высказывание, адресат и иллокутивная направленность. Это понятие называется оскорблением. Но в отличие от инвективы, главной функцией ко-

торой является обличение, оскорбление, согласно УК РФ (ст. 130) и КоАП РФ (ст. 5.61), - это «унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме». Однако за оскорбление предусмотрена ответственность по закону, а вот инвектива – явление языковое, соответственно, требования к характеру его реализации в речи менее жесткие и определяются уже лингвистами, а не юристами, считают авторы юридического журнала «Взгляд» [Гальперина 2005, с. 24-40].

Во многих случаях восприятие высказывания зависит от совокупности смысла входящих в него лексем, но нередко и самые обычные слова могут стать обличительными, если в них заложена ирония. В устной речи ее помогает определить недоброжелательный тон собеседника, в письменной – контекст и выводимая из него информация.

Например, слово «козел», сказанное в людном месте, с правовой точки зрения может быть расценено как брань в отношении лиц мужского пола и потому считается ругательным. Лингвисты же указывают на то, что инвективным можно признать и высказывание, не нарушающее норм социума. К.И. Бринев выделяет 2 вида выражений инвективного типа: 1) внелитературные, состоящие из жаргонизмов, диалектов и обценной лексики; 2) литературные высказывания, содержащие в себе перечисленные выше признаки обличения. Поскольку во втором случае нецензурных слов в своем составе инвектива иметь не будет, само высказывание также смягчится [Бринев 2009, с. 99-102].

Помимо этого, ученый выделяет также 8 разрядов литературной лексики, из которой могут строиться инвективы. Первый включает в себя номинации лица, обозначающие его негативную деятельность с точки зрения общества: бандит, вор, мошенник, шпион. Эти слова в своем значении содержат негативную оценку, оставаясь все же в рамках констатации денотата (обозначаемого лица). Как правило, пояснение слов-номинаций дается в словарях. Например, бандит – участник банды, вооруженный грабитель; бандитизм – вид преступной деятельности, заключающийся в создании вооружен-

ных банд, с участием в них и в организуемых ими нападениях с целью грабежа, насилия, убийств, разрушений чего-либо и т.п. [словарь русского языка под ред. Евгеньевой, т.2, с. 58]. При метафорическом употреблении номинации такого рода приобретают осуждающую экспрессию, а их негативная оценка значительно усиливается. Например, политическая проститутка – (презр.) беспринципный и продажный политик [Ожегов 2006, с. 621].

Второй разряд – это слова и сочетания, которые содержат в себе негативную оценку деятельности, занятости или поведения кого-либо. Семантика таких слов констатирующая. Например, двурушник, враг народа, предатель. В отличие от номинаций, представленных в 1 разряде, эти лексемы приобретают инвективное значение и без дополнительных метафор, т.к. в самом их значении уже заложена экспрессия.

Номинации 3 разряда отражают род профессии или занятия какого-либо лица и в переносном значении имеют резко выраженную негативную оценку. Например, бюрократ – 2. Неодобр. Должностное лицо, выполняющее свои обязанности в ущерб делу: формалист, буквоед. [словарь русского языка под ред. Евгеньевой, т.1, с. 131].

4-й разряд включает в себя зоосемантические метафоры, которые содержат негативную оценку адресата и смесь грубой экспрессии неодобрения, пренебрежения. Некоторые из таких метафор одновременно используются как в литературной, так и во внелитературной лексике языка. Нижеприведенные примеры относятся к инвективной лексике: быдло, кобель, кобыла, сукин сын и т.д.

В 5-м разряде находятся слова, обозначающие свойства, действия или качества кого-либо или чего-либо. Преимуществом пользуются глаголы с яркой экспрессией: хапнуть, лицемерить, прикарманить. Часто характеристика переносится на самого деятеля в качестве его постоянного признака: N – лицемер. И тогда уже возникают основания для правового вмешательства.

Шестой разряд литературной лексики, которая может входить в состав инвективного высказывания, составляют лексемы и словосочетания, дающие

резкую негативную оценку кого-либо как личности. Указания на конкретную деятельность адресата, как правило, нет. Например, дурак, гнусный. Инвектива, образованная при помощи таких оценочных словосочетаний, также обладает сильной экспрессией.

Седьмой разряд – это эвфемизмы номинаций из 1-го. Здесь не образуется прямой инвективы, и в то же время такие высказывания могут быть не менее экспрессивными, чем соответствующие им «прямые» обозначения адресата. Например, женщина легкого поведения, падшее создание и т.д. Слово сочетания седьмого разряда относятся преимущественно к книжной речи.

Наконец, 8-й разряд – это окказиональные образования, которые зачастую строятся на игре слов. Используются с целью как можно более изысканно унизить адресата, выразить презрение к нему или к его деятельности. К таким относятся лексемы дерьмократы, коммуняки и т.д.

Как видим, выражается инвектива в текстах с помощью разнообразной лексики. Степень эмоциональной и экспрессивной окраски слов влияет на силу самой инвективы. При ее восприятии играют роль и семантика составляющей инвективу лексики, и субъектно-объектная модальность. Так, если слово идиот включает в себе негативное оценочное значение, соответственно, восприниматься адресатом оно будет также неодобительно. Если же слово является медицинским термином, направленности на унижение адресата содержаться не будет.

Инвектива в зависимости от вида текста может иметь разные функции. Например, в СМИ она используется в качестве обличительного приема, с целью «вывести на чистую воду» героя статьи. Как правило, к таким персонам относятся коррупционеры, политики, злоупотребляющие своим служебным положением, люди, ведущие аморальный образ жизни и т.п. По критериям подобной публицистики, не так важен род занятия человека и его конкретный проступок, как то, что его поведение вызывает резонанс в обществе и читатели знают, о ком идет речь. Получается, в газетных текстах адресатом инвективных высказываний выступает определенная личность, адресантом

является журналист либо издание (например, направленность еженедельника «Хронограф»). Чаще всего именно по материалам статей, содержащих негативную информацию об известных обществу людях, возбуждаются дела «О защите чести, достоинства и деловой репутации и причинении морального вреда» [ГК РФ 2017, ст. 152]. По этим делам проводятся лингвистические экспертизы, и уже в ходе их выясняется, действительно ли в публикации имеются порочащие сведения или нет.

Существуют и другие функции инвективы. Так, в литературном произведении обличительная речь персонажей вводится автором для придания тексту экспрессии, выразительности и правдоподобия образам. Обращение к литературе здесь не случайно. Глубина и точность художественного слова В.М. Шукшина отражает бытовые ситуации, конфликты героев взяты из жизни обычных людей. Поэтому Н.Д. Голев говорит о тех речевых формах, которые воплощают языковое поведение человека в моменты ссоры [Голев 2000, с. 159-160]. Пространство литературного текста можно воспринимать как реальную социально-психологическую обстановку, поскольку картины быта деревенского народа и его речь воссозданы в произведениях писателя максимально правдоподобно.

Ссора – это одна из самых острых форм конфликта, позволяющая автору наиболее ярко показать реакции персонажей в экстремальных ситуациях, раскрыть подсознательные мотивы агрессивных высказываний. Художественное пространство должно помочь ответить на проблемный вопрос, с которым все чаще сталкивается современная экспертиза: должен ли психолингвистический анализ применяться при расследовании языкового материала? Исследователи считают, что должен, т.к. ход мыслей человека (которые затем превращаются в речевую инвективу) зависит напрямую от его психологического состояния в момент эмоциональной вспышки. Такой подход поможет экспертам понять саму конфликтную ситуацию и, следовательно, более четко ее объяснить.

При анализе литературного текста важно помнить, что пространство произведения отличается от обычной инвективной речи или спорных текстов. В художественном пространстве действия происходят с участием лирических героев, образов, специально созданных автором, а не реальных людей. Читатель, воспринимая текст, находится «по другую сторону» конфликта персонажей, не принимая в нем участия. Он является только сопереживающим «зрителем» представленных в книге событий. Следовательно, в художественном тексте инвектива может быть направлена только на героев произведения.

В данной работе проводится комплексный лингвистический анализ стихотворений Ахматовой из сборника «Бег времени», а также поэмы «Реквием» в трех основных аспектах: композиционном, синтаксическом и лексическом. За основу мы берем следующее утверждение: инвектива – это лингвистическое явление, которое воплощается в устной и письменной речи в процессе коммуникации между адресантом и получателем сообщения. Речевой акт – одна из форм организации процесса общения, неразрывно связанная с прагматикой (отношением знаков к субъектам), которая, в свою очередь, является одним из разделов семиотики (знаковой системы) коммуникации. Так, зная значение ключевого образа-символа, можно с большей точностью определить интенцию (намерение) говорящего, а значит, определить характер инвективы и ее функции в конкретном тексте.

В журналистике инвективной называется также произведение сатирического характера. Например, памфлет или фельетон, зародившиеся еще в начале XVIII века. Оба этих жанра используются автором для обличения. Разница в том, что памфлет имеет конкретного адресата либо выводимого через контекст, фельетон же высмеивает пороки общества, не имея прямого указания на личность.

Сатира как отдельный литературный жанр оформилась еще во времена Горация. Его «Сатиры» ироничны и немного язвительны, но в них нет карательного подтекста [Борухович 1993, с. 247-248]. Гораций посмеивается над

недостатками своих современников, называя сатиры «беседами» (лат. «sermone»). Свои «Послания» поэт также именуется sermone, что дает исследователям основания указать на связь этих жанров, но лишь на уровне размера: как и «Сатиры», «Послания» написаны дактилическим гекзаметром. В одной из книг («Наука поэзии») отражена полемика между почитателями архаичной и современной поэзии. Гораций осуждает невежд, которые хотят использовать искусство в политических целях [Борухович 1993, с. 314-317].

В сборнике «Посланий» тоже можно выявить инвективную направленность. Это произведения зрелого человека, проникнутые спокойствием и философией жизни. Они составлены в форме писем, адресатами которых были видные деятели древнеримской эпохи: Меценат, Август, Флор, секретарь Тиберия. Используя прием дружеской беседы, Гораций рассказывает, как у него проходят дни, добродушно подшучивая над собой и другими. Письма содержат советы о том, как получать от жизни удовольствие и радость [Борухович 1993, с. 304-306]. Цель поэта – поделиться накопленным опытом и мудростью со своими друзьями. Читаем в I Послании, ст. 10-11: «Вот почему и стихи, и другие забавы я бросил: // Истина в чем и добро, я ищу, увлеченный лишь этим» [Гораций 2015, с. 3].

Н.А. Анненкова в своей работе «Сатира и инвектива в поэзии М.Ю. Лермонтова» ссылается и на «Сатиры» Горация, приравнивая их к обличительным высказываниям. Инвектива у Анненковой представлена как разновидность жанра сатиры [Анненкова 2004, с. 5-7]. Однако четкого разграничения их признаков не дается, из чего мы можем заключить, что понятия эти трактуются как взаимозаменяемые. Только сатира – одна из способов организации художественного произведения, а инвективные выражения – явление речевое.

Таким образом, инвектива может использоваться в различных гуманитарных сферах и, в зависимости от своей функции в каком-либо тексте, принимать различные формы. Лексика, составляющая обличительное высказывание, может быть как обценной, так и книжной (литературной). В художе-

ственном тексте обличение помогает сделать речь героев экспрессивной и выразительной.

1.2. Инвектива в лингвистическом аспекте и ее связь с речевым актом

Поскольку язык отражает общественную жизнь народа, новые явления, открытые в лингвистике, требуют пристального внимания ученых. Инвектива не стала исключением. Предпосылки возникновения этого понятия в качестве речевой составляющей обозначились еще в 50-х годах прошлого века. Однако прошло более 10 лет, прежде чем термин «инвектива» официально закрепился в отечественном языкознании.

Появлялись новые труды, где обличительные высказывания рассматривались с различных позиций, выделялись ее функции, свойства, а также связь с многочисленными аспектами лингвистики и социума. Одним из таких аспектов является коммуникация. Так, Н.Д. Арутюнова в статье «Фактор адресата» описывает инвективу как термин, синонимичный понятию «агрессивный дискурс», т.е. гневную связную речь, произнесенную целенаправленно в адрес обидчика. Арутюнова выстраивает цепь, состоящую из трех компонентов: «говорящий – сообщение – адресат» [Арутюнова 1981, с. 359-361].

Исследователь, Н.Д. Голев, отмечает, что инвективные высказывания в определенных речевых ситуациях могут иметь признаки, которые уместнее всего отнести к «чисто лингвистическим». Поэтому рассматривать агрессивный дискурс следует прежде всего со стороны языкознания, а уже потом – в качестве юридического явления. Также исследователь полагает, что с помощью инвективы адресат реализует творческую возможность использования лексики, поскольку обличительные высказывания естественны в процессе живого общения [Голев 2000, с. 159-160]. Поскольку коммуникативный акт включает в себя множество речевых структур, в том числе и инвективную, не случайно, что соответствующая функция языка находит свое отражение в речи, причем, как в устной, так и в письменной.

Зачастую гневная фраза порождает идентичную реакцию, и в этом сложность, с которой сталкивается закон: с одной стороны, человек имеет право отстаивать свою честь и не допустить оскорбления в свой адрес, с другой – обмен инвективами (особенно с обценной лексикой) нежелателен, т.к., с правовой точки зрения, виноваты будут оба. Ярким примером является инвективная полемика ОРТ и НТВ, где реализуется оппозиция, построенная на декларативной модели поведения: «Ты дурак!» - «Сам такой!» [Шарифуллин 2000, с. 94].

Нужно сказать, что гуманитарные науки относятся более лояльно к речевой инвективе, чем юриспруденция. С точки зрения лингвистов и говорящий, и слушающий имеют равноправные позиции. Например, если адресату показалось, что реплика прозвучала резко, он может и даже должен что-то ответить. В теории коммуникации это называется реакцией на призыв-вызов. Молчание также может считаться репликой, если говорящий расценит его именно как ответ, а не уход от разговора. В таком случае общение уже будет происходить на невербальном уровне. Того же мнения придерживаются и психологи, только оппозиции выглядят несколько по-другому («стимул – реакция»), т.к. здесь ученым интересна защитная позиция слушающего и его умение вариативно ответить адресанту именно с точки зрения рефлексивной функции.

Какова же основная функция инвективы, помимо обличения? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо рассмотреть происхождение этого термина на лингвистическом уровне.

Слово «инвектива» используется во многих странах Европы в качестве интернационализма. Свое начало понятие берет из латинского языка: *invectivus*, -a, -urn и служит производным от имени существительного *investio* («ввоз»; «нападки», «выпад»), которое, в свою очередь, связано с глагольной основой *investum* («ввозить»; «причинять», «вызывать», «нападать» и т.д.). Все эти формы происходят от исходного инфекта *veho* («везу») [латинско-русский словарь, сост. И.Х. Дворецкий 1949, с. 478-479]. По вторичным зна-

чениям приведенных примеров видно, что уже в латинском языке закладывается семантика словесного «нападения», «наезда». Также не случайно и совпадение существительного *investio* с жаргонизмом русского языка – «наезд». Следовательно, инвективой можно назвать любую речевую атаку, имеющую адресную направленность.

Как уже говорилось нами в предыдущем параграфе, обличительное высказывание не всегда содержит нецензурную лексику, но агрессия, заложенная в самой речевой форме, реализуется в любом случае. Например, выражение-заголовок статьи из газеты «Комсомольская правда» от 7 февраля 2001: «Хотите, чтобы я уволился с ОРТ? Не дождетесь!» [«Комсомольская правда: Электр. ресурс», - произнесенное Сергеем Доренко в адрес недоброжелателей с «Первого канала», носит характер вызова и передается через вопросно-ответную форму изложения. Восклицательное предложение, начинающееся с отрицательной частицы «не» также используется Доренко для демонстративного отстаивания своей позиции.

Если рассматривать инвективу как форму речевого поведения участников коммуникации, то уместно будет отнести ее к речевому жанру, имеющему определенную структуру.

Согласно справедливому замечанию Б.Я. Шарифуллина, «суть наезда» не меняется от формы высказывания [Шарифуллин 2000, с. 94]. И даже негрубый упрек, произнесенный говорящим с целью указать слушающему на его недостатки, все равно будет являться инвективой. Следовательно, для более полного и точного лингвистического анализа инвективных выражений необходимо их рассмотрение именно с точки зрения речевых структур. В качестве примера исследователь предлагает типовую модель Т.В. Шмелевой, которая выделяет 3 подхода к изучению типологии речевых жанров: лексический, стилистический и речеведческий. В них, в свою очередь, входят грамматические категории и специфические признаки, такие, как семантика, композиция текста, структура высказывания, предикативность и т.д. [Шмелёва 2007: 62-67].

Обратимся к истории вопроса. Примечательно, что еще в середине XX века М.М. Бахтин дает следующее определение: «Речевой жанр – нечто абстрактное, применительное и к произведениям художественной литературы, и к собственно речевому акту» [Бахтин 1996: 167-168]. Ученый считал, что вся наша речь подчинена неким жанровым формам, обойти которые невозможно.

Хотя понятия «инвектива» тогда еще не существовало, следуя за мыслью Бахтина, можно предположить, что и инвективные высказывания как один из видов речевых жанров охватывают как область лингвистики, так и некоторые пласты литературоведения. Например, речь героев произведений. Это не случайно, поскольку диалоги персонажей построены на том же языковом материале, что и устная речь, следовательно, законы межличностного общения действуют и в художественном тексте.

Многие исследователи полагают, что инвектива является следствием нарушения основных правил общения. К ним относятся: обязательный адресат, намерение говорящего обличить оппонента в чем-либо, экспрессия и определенно-личные конструкции с использованием местоимений 2-го лица единственного и множественного числа. Кроме того, от адресанта требуется соблюдение основных коммуникативных правил, а именно: информативность сообщения, правдивость сведений, последовательность и лаконичность сказанного. Это называется «принципом сотрудничества Грайса» [Цит. по: Арутюнова 1981, с. 358-359]. Так, Н.Д. Арутюнова на первый план выдвигает фактор адресата. Говорящий должен учитывать, кто его собеседник, и строить свое сообщение в зависимости от слушающего, его статуса и способности верно воспринять информацию и истолковать ее. Важно брать во внимание и ситуацию, сопутствующую общению [Арутюнова 1981, с. 359-361].

В XXI веке ученые также обращают внимание на культурологический аспект обличительных высказываний. А.Ю. Позолотин считает, что именно в инвективах отражаются, помимо индивидуального стиля говорящего, при-

вычки, поступки человека и некоторые черты характера [Позолотин 2005, с. 2-3].

В.И. Жельвис дает инвективному речевому акту определение «оскорбительное обращение», называя его синонимом сквернословия. Ученый полагает, что сила инвективной фразы напрямую зависит от степени стресса, который испытывает говорящий. Это может быть и катарсис, и прямое обличение. По мнению исследователя, возможно применение и бранной лексики, которая присутствует в языке. Считается, что без нее снижается сила негативных эмоций, а значит, утрачивается одна из существенных речевых функций. Именно нецензурная лексика делает инвективное высказывание наиболее резким и обидным. Здесь видна параллель с позицией Н.Д. Голева, который также полагает, что обличение – одна из естественных языковых функций, проявляющихся в речи. В.И. Жельвис рассматривает табуированную лексику как неотъемлемый пласт словарного состава любого языка [Жельвис 2001, с. 8-9].

В качестве лингвокультурологического концепта воспринимает инвективу и Г.В. Кусков, описывая в своих трудах обличительную лексику и фразеологию. Ученый подчеркивает важность понимания инвективы как социального явления, считая, что через языковую экспрессию можно выявить общественные ценности, уровень культуры народа [Кусков 2004, с. 7-9]. В основе этого уровня лежит заложенный в сознании человека образ определенной нации. Как правило, положительный. А вот на то, как будет воспринят отдельный ее представитель, влияет речевое поведение самой личности. Если оно не отвечает заявленным требованиям со знаком «плюс», идеал разрушается. Таким способом и образуется негативное значение вышеназванного концепта.

В теории коммуникации иллокуция (направленность) выражается через определенную тактику говорящего. При мысленном создании отрицательно-го образа оппонента используется соответствующая речевая модель, отражающая негативное восприятие. Например, У А. Ахматовой: «Ты – отступник:

за остров зеленый // Отдал, отдал родную страну...» [Ахматова 2012, с. 90]. Приведенный отрывок показывает ход мышления лирической героини (адресанта). Бросая резкость другому персонажу, она использует его действия в качестве аргумента, т.е. в ее сознании отступник тот, кто ставит свои интересы выше патриотизма и потому считается изменником родины.

Изучая инвективу в контексте лингвокультурологии, можно проследить культурные приоритеты речевого общества. Если все типы обличительных высказываний, которые употребляются в определенной языковой среде, квалифицировать по их семантике, можно увидеть, какие именно группы людских пороков осуждаются в первую очередь. Более того, правильно сгруппированные инвективные пласты языка позволяют судить даже о том, насколько часто эти пороки повторяются. Так, в немецкой языковой культуре чаще всего подвергаются обличению социальный статус и пол человека. Инвективы, связанные с возрастом личности встречаются редко [Позолотин 2005: 12-13]. Модальность также играет роль при определении инвективного вида высказывания. Исследователи условно выделяют субъективную и объективную модальность обличений. К «наездам» субъективного характера относятся указания на принадлежность человека к какой-либо расе, социальной группе, полу, возрасту, профессии и т.д. Часто также критике подвергаются физические и умственные способности адресата, основанные на принятых в обществе стереотипах. Например, суждение: «Женщины не умеют мыслить логически», – это следствие гендерных предрассудков, а высказывание: «Многие технари – алкоголики», - неуважение к чужой профессии. Такие «недостатки» зачастую выводятся адресантом, не соблюдающим морально-этические нормы, и в состоянии агрессии, поэтому не являются объективными.

Ко второму типу относятся упреки, направленные на конкретные действия адресата. Даже если собеседник не соглашается с претензией, в целом, высказывание можно посчитать объективным. Это объясняется тем, что в

лингвистике, как уже указывалось нами выше, обе стороны имеют право на мнение.

А вот всегда ли инвектива является конструктивной – вопрос другого плана. Здесь необходимо сказать и о социально-психологическом аспекте коммуникации. Так, психологи отмечают, что чаще всего людям важен не инцидент, из-за которого произошло столкновение сторон, а конечная цель общения. Человек в состоянии гнева или обиды плохо владеет собой, им руководят эмоции. Поэтому полностью объективной инвективы не существует, имеются лишь в какой-то мере оправданные критерии ее употребления.

Также отмечается, что при проведении лингвистической экспертизы к обличительным относят высказывания, которые имеют специальные пометы «груб.», «вульгарн.» в словарях. Фразы, содержащие табуированную лексику, как правило, запрещено произносить в общественных местах. Ученые делают акцент на том, что даже несмотря на присутствие бранных слов в тексте, агрессивную направленность сказанного или написанного можно окончательно установить только после целостного анализа всей статьи.

На важность контекстного подхода в определении наличия инвективы указывает и А.В. Курьянович. Он утверждает, что слово, имеющее нейтральную семантику, стоящее в окружении других, эмоционально окрашенных лексем, может перенимать их свойства [Курьянович 2005, с. 10-11]. Речь идет о построении модели предложения, содержащего как прямую, так и косвенную агрессию (коммуникативные и когнитивные или познавательные функции инвективы).

Проанализировав и обобщив работы лингвистов конца XX и начала XXI века, мы выяснили, что существует 2 основных пласта инвективных высказываний: 1) оскорбление, клевета, компромат, выраженные с помощью обценной или грубой лексики; 2) агрессия, реализованная на вербальном или письменном уровне через определенную структуру, присутствие бранных слов не является обязательным условием высказывания. Первое понима-

ние более узкое, используется чаще всего в юрислингвистике, в то время как второе – более обширное и может применяться в ряде гуманитарных наук.

Рассмотрим сказанное на примерах. В первом случае представим фразу с использованием грубой лексики: «Этот балда верит в инструкции. Ну и идиот!». Во втором случае высказывание будет звучать мягче из-за метафорического смысла инвективы и отсутствия бранных слов: «За меня не будете в ответе, // Можете пока спокойно спать. // Сила – право, только ваши дети // За меня вас будут проклинать». (Из книги «Бег времени», «Конец демона») [Ахматова 2012, с. 202]. В этом четверостишии у Ахматовой реализуются сразу 3 звена инвективной цепи: «обвинение – злодеяние адресата – угроза». Наречие «пока», употребленное в первом предложении передает предупреждение, а ирония, с которой написано стихотворение, усиливает обличительную направленность.

Отметим, что единой точки зрения на сущность инвективы нет и у лингвистов, и все же, основываясь на базе имеющихся трудов, можно выделить признаки, помогающие распознать инвективу как в научном, так и в художественном тексте.

Поскольку инвективу невозможно рассматривать обособленно от теории коммуникации, нужно отметить, что успех и продуктивность диалога между адресантом и адресатом во многом зависит от того, насколько правильно говорящий выбрал адресата и оценил ситуацию (оппозиции «говорящий – слушающий»). В противном случае диалога не получится и есть риск возникновения того «агрессивного дискурса», который в большинстве лингвистических работ считается инвективой.

1.3. Структура инвективы с точки зрения коммуникации

Для того, чтобы обличительное высказывание произвело нужный говорящему эффект, оно должно быть направлено непосредственно на адресата либо на его действие, т.е. иметь личностный характер. Как правило, наиболее

болезненно человеком воспринимается критика необоснованная и высказанная открыто. Сравним выражения: «Ты дурак!» и «Ты поступил неразумно, потому что...». Во втором случае инвектива звучит мягче, т.к. указывает на поступок слушающего, а не на него самого. Кроме того, последующее разъяснение также снижает уровень резкости. Также остро истолковывается незначительная, но намеренно высказанная реплика, если ее произнес близкий адресату человек. Слушающий не включает защитные механизмы психики, поскольку доверяет своему собеседнику.

Основоположник теории речевых актов Дж. Остин выделяет 3 основных уровня, через которые проходит каждое высказывание: локуцию (языковое значение сказанного), иллокуцию (коммуникативную цель говорящего) и перлокуцию (ожидаемое воздействие на адресата) [Суслов, электр. ресурс]. Наиболее важную роль, на наш взгляд, в инвективном высказывании играет именно иллокуция, т.к. с ее помощью познается истинное намерение адресанта, что является основополагающим в определении инвективы.

Смысловым синонимом иллокуции принято считать намерение говорящего, т.е. интенцию, которая должна соответствовать как минимум трем обязательным условиям: 1) условию искренности; 2) реализации цели общения; 3) успешности речевого акта. Цели иллокутивной направленности могут быть как первичными (последующая перлокуция, воздействие), так и вторичными (производными от реакции адресата).

Восприятие играет основную роль в инвективной цепи «говорящий» - «сообщение» - «адресат». Если последний не посчитает высказывание претензией, соответствующее звено автоматически выпадет, а инвектива не реализуется. Если же обличение отсутствует (в том числе и на невербальном уровне), а коммуникант чувствует себя уязвленным, возможно, сообщение не было истолковано им верно.

Чтобы избежать таких проблем, важно учитывать не только законы коммуникации, основанные на принципах сотрудничества П. Грайса, но и конкретную цель речевого высказывания, а также факторы прагматики

[Грайс, электр. ресурс]. Это раздел семиотики, изучающий отношения пользователей какой-либо знаковой системы к самой знаковой системе. В лингвистическом аспекте эта наука исследует свойства языка, которые способствуют восприятию и верному пониманию речи и текста (как знаковых систем).

В нашей работе под прагматикой подразумевается дисциплина, изучающая совокупность функционирования речевых единиц и их применения с учетом намерений собеседников. Одним из важнейших вопросов лингвистической прагматики выступает проблема классификации речевых актов (далее – РА).

Дж. Сёрль предлагает структуру РА, основываясь на следующих параметрах: 1) направленности высказывания (через слова воплощается реальность и наоборот); 2) цели говорящего; 3) психологическом состоянии адресанта; 4) стиле осуществления РА (признание или заявление); 5) отношении сказанного к контексту и др.

С учетом данных признаков Дж. Сёрль выделяет такие типы РА, как директивы, репрезентативы, декларативы, комиссивы и экспрессивы [Сёрль, электр. ресурс]. Директивы используются для побуждения оппонента к действию и включают в себя требования, приказы, распоряжения, рекомендации. Репрезентативы описывают положение исполняемых дел коммуникативного характера; к ним относятся констатация факта или прогноз. Говорящий несет ответственность за правдивость сказанного. Например: «Погода сегодня солнечная». Декларативы представляют собой РА, истинность которых зависит от их успешности и убедительности. Это назначения на должность, вынесения приговоров и т.д. Речевые акты, возлагающие на автора обязательство совершить какое-либо действие, называются комиссивами. Их подтипами являются заверения, клятвы, угрозы и пр. К экспрессивам относятся акты, выражающие удивление, благодарность, восхищение или упреки. Они передают психологическое состояние человека.

Коммуникативные неудачи (далее – КН) прагматического происхождения, согласно классификации Е.А. Земской и О.П. Ермаковой, связаны с тем, что одно и то же высказывание может передавать различные намерения адресанта [Земская 1993, с. 95-97]. Например, речевая ситуация, когда задается вопрос-упрек: «Ты почему красишь стены бежевой краской?» - «Если не нравится этот цвет, могу взять белый». – «Я не это имею в виду. Спрашиваю, чтобы узнать, из каких соображений ты выбрал такую краску». Также КН прагматического типа включают в себя «сбой в гармонии общения», при котором нарушаются стереотипные ожидания слушающего. Из-за этого возникает эффект удивления, не предусмотренный автором.

Отметим, что при выявлении характера КН нужно учитывать психофизическое состояние сторон. Оно может быть разным к моменту начала общения, что может стать фактором непонимания. В языкознании выделяют структурно-семантические причины КН, вызванные многозначностью языковых конструкций и единиц. Так, афганцами можно назвать как жителей Афганистана, так и воинов-интернационалистов. Могут неверно трактоваться сходные по смыслу понятия: «верба» - «лоза» - «ива».

Индивидуальные особенности также играют роль в выявлении КН. К ним относятся недоразумения, порожденные различием ментального состояния собеседников. Например, эмоциональное спокойствие одного и напряженность другого человека: «Так и не дали Ленинград...». – «А что, должны были? Это же московский обзор». – «Я разговор с Петербургом заказывала». – «А, я думала, ты хочешь, чтобы про Питер по телевизору рассказали».

Несмотря на то, что существующие на сегодняшний день классификации КН не являются полными и исчерпывающими, их изучение важно для совершенствования процесса коммуникации. Помимо оптимизации межличностного общения, исследование типов КН может обеспечить лучшее понимание различных видов текстов, а также речевого поведения личности (с учетом возникающих коммуникативных ситуаций и ролей оппонентов) [там же, с. 97-98].

Многие ученые сходятся в том, что в инвективе обязательно должна присутствовать интенция (намерение) говорящего унизить собеседника. Рассмотрим типовую структуру инвективного речевого акта.

Образование РА подчинено, в первую очередь, законам коммуникации. Дж. Сёрль предлагает структурировать РА следующим образом: 1) пропозиция (стабильное семантическое ядро предложения); 2) коммуникативные стратегии как говорящего, так и слушающего; 3) конечная цель разговора, направленность; 4) результат, ожидаемый собеседниками. Главным образом ученый противопоставляет содержание высказывания (пропозицию) намерению адресанта (иллокуции), считая остальные пункты второстепенными, поскольку они возникают из первых двух [Сёрль, электр. ресурс].

В качестве примера возьмем диалог двух товарищей, приехавших на рыбалку. Выясняется, что один из них забыл взять резиновую лодку, что вызвало бурное негодование его собеседника. В процессе коммуникации друзья переходят на взаимные оскорбления, и это усугубляет конфликтную ситуацию.

Для разбора данного речевого акта мы пронумеровали реплики его участников. Адресант – «собеседник 1», его оппонент – «собеседник 2».

(1) Собеседник 1: Ты, дурак, вечно что-нибудь забываешь! Вот где теперь лодку взять?

(2) Собеседник 2: Почему это сразу – я? Походное снаряжение собирал ты!

(3) Собеседник 1: То, что я собирал, как раз есть. А лодка была в твоём багаже, дубина!

(4) Собеседник 2: Сам такой! И не ори. Давай лучше плот сделаем и все.

(5) Собеседник 1: Вот и иди, придурок. Тут много гнилых бревен валяется, сколоти себе из них хижину. А я рыбу прикормлю.

(6) Собеседник 2: Как хочешь, пойду один. А ты сиди здесь, в камышах, хоть комарам приятное сделаешь. Тоже мне, друг.

В инвективном РА пропозициональным содержанием является характеристика или признак, который приписывается говорящим адресату. Этот признак и служит ядром возникновения конфликта на данном этапе. Обозначается как пренебрежение или унижение. В нашем примере это фраза под номером 1.

Стратегия адресанта при построении инвективного высказывания зачастую сводится к унижению оппонента, желанию показать собственную власть над ним. Тот, на кого направлено обличение, пытается, в свою очередь, оспорить его и отстоять свою точку зрения (реплика 2).

Иллокутивным намерением (или целью) собеседников является стремление доказать свою правоту оппоненту. Так, говорящий, употребляя инвективу в своей речи, подчеркивает, что его социальное положение выше и значимее, чем у слушающего, и поэтому он вправе манипулировать адресатом. Последний же считает, что это несправедливо, и также на эмоциях высказывается в ответ. Далее возможно прекращение «агрессивного дискурса», если адресат решает уладить все мирно (четвертая реплика).

В результате инвективного «общения» стороны, как правило, остаются при своем мнении, если урегулировать конфликт не получилось. По финальным двум репликам (5 и 6) видно, что попытка договориться не удалась. Собеседник 1 в ответ на предложение построить плот вместе с товарищем (фраза 4) выдвигает новое оскорбление (фраза 5). Причем, отказываясь помогать другу, по его мнению, виноватому, адресант создает явную оппозицию «я-ты», вновь выделяя свое превосходство. Это порождает новый эмоциональный протест адресата (реплика 6), проникнутый язвительной иронией и сарказмом. Получается, что цели достигнуты коммуникантами лишь частично: адресант обличил товарища, но не убедил, а тот, в свою очередь, ответил встречной инвективой, следовательно, состоялся острый конфликт.

Согласно правилу перлокуции, инвективный РА используется для того, чтобы вызвать у собеседника ответные эмоции. Он может служить как средством подчинения адресата, так и вызовом-провокацией на словесный по-

единок. Формула перлокутивного компонента РА может выглядеть так: «Сказав X, я сделал Y». X в данном случае – некое высказывание, Y – его воздействие на коммуниканта. Подставив вместо переменных конкретную информацию, получим речевую ситуацию: «Сказав, что застрелю его, я его напугал» [Сёрль, электр. ресурс]. Смирение оппонента со сказанным либо его демонстративное молчание также может быть прогнозируемой реакцией, но в этом случае конфликта на речевом уровне не возникнет, поскольку ответной реплики не последует. Следовательно, сила воздействия говорящего на слушающего существенно уменьшится.

Все названные правила определяют сущность обличительного высказывания, реализующегося с помощью соответствующей лексики. Использование грубых слов создает отрицательный эмоциональный фон, что заставляет адресата настроиться также агрессивно. Следствием произнесения инвективной фразы становится деструктивность (отрицательное отношение к себе и другим, подкрепленное соответствующим поведением личности) обоих коммуникантов. Речевой акт инвективы передает негативное отношение адресанта как к вербальным, так и к невербальным действиям оппонента и является высказыванием, содержащим информацию оценочного или императивного характера. Целью такого коммуникативного средства выступает передача негативных эмоций собеседнику.

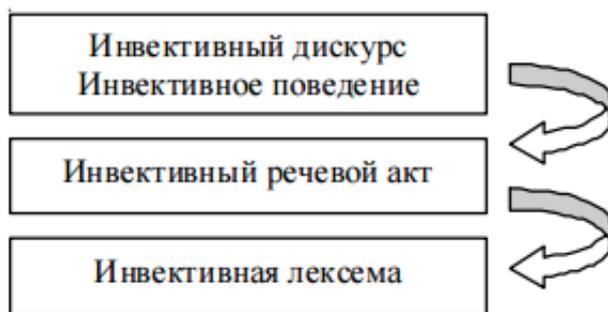
Средства языка, с помощью которых реализуется РА, также необходимо принимать во внимание при анализе инвективного высказывания. Такие средства называются конвенциональными и подразделяются на ядерные и периферийные. И те, и другие используются в РА для передачи намерения адресанта. Разница в том, что при прямом речевом акте употребляются ядерные средства языка, а при косвенном – периферийные. Например, выражение: «Дай, пожалуйста, книгу», - относится к типу прямого РА, поскольку просьба эмплицитна. А фраза: «Не мог бы ты дать мне книгу?», - представляет косвенный акт, потому что просьба завуалирована в форме вопроса, кото-

рый, с одной стороны, запрашивает у адресата о возможности совершить нужное действие, а с другой – побуждает его к действию.

Однако четкие границы между этими формами установить не всегда возможно, и поэтому исследователи советуют рассматривать инвективу в совокупности ее языковых и речевых свойств. На языковом уровне обличение представляет собой сложное синтаксическое целое, диктумно-модусную организацию. Согласно лингвистической теории, диктумом называется информативная часть предложения или фразы, модусом – эмоционально-оценочная ее сторона. В речевом аспекте к высказыванию прибавляется восприятие слушающего, который трактует сказанное исходя и из модификации лексики, и из конкретной речевой ситуации. А вот информативная сторона сообщения не всегда бывает услышана, если адресат посчитал сказанное ему инвективой.

Таким образом, при изучении инвективы с коммуникативной точки зрения первостепенными являются: 1) мотив говорящего; 2) ситуация, в которой

социаль-
статус ад-
же пока-
ра инвек-

протекает общение; 3) ная роль адресата и ресанта. На схеме ниже базовая структурного РА.

**Иерархическое образование
обличительного высказывания**

Согласно рисунку, инвективный дискурс и соответствующее ему поведение адресанта порождают речевой акт обличения и выступают в качестве продукта реализации языковой личности. Производится она через речевой акт инвективного характера, который прямо или косвенно передает эмоции

говорящего, а также его отрицательное отношение к оппоненту или к ситуации в целом.

Исследовательница Т.А. Золотаренко относит обличение к эмотивным высказываниям, т.к. основным компонентом в них является оценочная лексика, влияющая на чувства адресата. По мнению ученой, инвектива как РА состоит из плана выражения и плана содержания. Первый включает в себя разнообразные маркеры отрицательной эмотивности. К ним относятся грамматические, структурные и синтаксические критерии, которые составляют «агрессивный дискурс» и используются для унижения собеседника. Содержательный план инвективы – это коммуникативная интенция (намерение) говорящего обличить слушающего в чем-либо [Золотаренко 2013, с. 142-145].

Теория коммуникации подразделяет РА на простые и сложные, а также учитывает их целостную структуру и фразовое единство (последнее больше применяется к текстам). Сложные состоят из нескольких простых актов, объединением которых становится дискурс. Классифицируются сложные РА по типу иллокутивных и перлокутивных мотивов говорящего, а также по характеру взаимоотношений компонентов РА и их функционированию в речевом процессе. Нужно отметить, что любая речевая стратегия (в т.ч. и инвективная) реализуется с помощью коммуникативной тактики. Тактика же, в свою очередь, определяется посредством более узких параметров, таких, как ход/темп речи и репликовый шаг.

Рассмотрим эти компоненты подробнее. К реплике относится все сказанное человеком до смены коммуникативной роли. Простота или, напротив, сложность репликового шага зависит от того, сколько ходов коммуникации содержится в его составе. Если высказывание интерпретировать с точки зрения коммуникативного хода, то необходимо учитывать его тип (иницирующий, продолжающий, закрывающий и т.д.), а также линейную диалогическую организацию самого высказывания. Речевая тактика предполагает анализ сказанного в качестве приема для достижения поставленной собеседни-

ками цели. В случае инвективного РА чаще всего берется во внимание намерение адресанта.

Все перечисленные понятия отражают структуру такого явления коммуникации, как речевой акт. Его функция – рассмотрение фразы с позиции интенции говорящего, что мы и отмечаем в нашей работе.

Мы считаем, что инвектива тесно связана с теорией речевых актов, поскольку она представляет собой нарушающий коммуникативные нормы дискурс, которому присуща иллокутивная интенция. Целью инвективного дискурса является стремление адресанта оказать давление на своего собеседника, обличить его в чем-либо, тем самым выразив собственное эмоциональное состояние. Поэтому ряд ученых относит инвективу к экспрессивным речевым актам.

Обличительные высказывания зачастую произносятся повелительным тоном, не предполагающим возражений. На этом основании С.А. Матяш отмечает такое качество инвективы, как императивность [Матяш 2007, с. 40-42]. С помощью определенных запретов и приказов говорящий пытается заставить собеседника совершить нужное ему действие. В состоянии гнева адресант склонен считать, что утверждение, выдвинутое с неодобрением, имеет большую силу воздействия на слушающего, чем та же фраза, сказанная мягким тоном. Как правило, императив создается во время коммуникативного акта с целью воздействия на установки и поведение адресата. Если инвективное высказывание содержит угрозу, то оно относится уже к комиссивным РА, поскольку предполагает ее исполнение. Кроме того, зачастую говорящий стремится создать себе более выгодный социальный статус за счет снижения роли собеседника.

Отметим также, что дополнительной функцией инвективного речевого акта является социальное отображение говорящего, т.е. обличение помогает человеку лучше понять, каким его видят окружающие.

Итак, инвектива в коммуникации может выражать эмоциональное состояние адресанта как прямо, так и косвенно. Негатив говорящего зачастую

«разжигается» словами собеседника или его действиями либо недовольством ситуацией. Речевой акт обличения имеет план содержания высказывания и план его выражения, которые воплощаются в речи или тексте с помощью различных структурно-семантических средств. Иллокутивная направленность гневной фразы, а также следующий за ней в большинстве случаев конфликт составляют основу инвективного РА. Перлокутивным же эффектом, как правило, становится нанесение психологического дискомфорта адресату. Если рассматривать инвективу как речевое явление в совокупности всех факторов (коммуникативной ситуации, состояния оппонентов, их восприятия, тона говорящего, его интенции), можно установить первоначальную иллокутивную цель адресанта и планируемый эффект беседы. Оформляется инвективный РА с помощью лексем, имеющих отрицательную (негативную) эмоциональную окраску, которая, в свою очередь, формирует соответствующее поведение собеседников. Неудачи в коммуникации (или инвективный речевой акт) возникают, если не учитывается психофизическое состояние сторон, не оправдываются ожидаемые стереотипы и не берется во внимание ситуация, сопутствующая общению. Реже непонимание происходит из-за многозначности слов и неправильного их истолкования адресатом.

Поэтому в изучении РА прагматический подход является основополагающим, поскольку помогает выявить инвективу и не допустить возникновения конфликтной ситуации. Структура инвективного речевого акта обусловлена поведением говорящего, направленностью высказывания, реакцией адресата и самой коммуникативной ситуацией.

Конфликтная ситуация может быть отражена не только в устной речи, но и в текстах, поскольку текст – это речь, зафиксированная в письменной форме на бумаге либо ином носителе. Письменная речь развёртывается не во временном, а в статистическом пространстве, что даёт автору возможность точнее выразить свои мысли, а читателю – вернуться к любому фрагменту текста неограниченное количество раз. Также, в отличие от вербального об-

щения, текст обладает более четкой организацией, и, следовательно, собственными коммуникативными свойствами.

1.4. Текст как единица коммуникации: лингвистические признаки

Система лингвистических категорий определяет текст как структурно, функционально и содержательно законченное единство речевого характера, имеющее субъективную (авторскую) модальность. Не зависимо от того, какие функции текст выполняет, он всегда представляет совокупность высказываний – предложений, сгруппированных между собой. Связи могут быть структурными и смысловыми. Они объединяются в текстовые единицы – межфразовые единства, образуя компоненты или фрагменты речевого произведения. Эти фрагменты в итоге и создают готовый текст с определенной структурой и конкретными функциями в зависимости от стиля речи.

С точки зрения понятий вопрос осложняется тем, что термин «текст» включает в себя разноплановые объекты. Например, его можно воспринимать в качестве продукта естественного языка (первичное состояние) и как произведение литературы (вторичное воплощение). Человек познает мир именно посредством естественного языка, давая названия предметам или явлениям. Перерабатывая полученные знания о реальности, автор создает художественный текст, который приобретает оттенок субъективной модальности.

Поскольку мы рассматриваем текст в качестве единицы коммуникации, в данном разделе понятия «высказывание», «речевой акт», «письменная речь», «общение», «разговор» будем считать синонимичными. Таким образом, признаки, идентифицирующие текст как языковое явление, получают актуальность и по отношению к перечисленным терминам.

Нужно отметить, что для лингвистики текста свойственно не только объяснение каких-либо фактов посредством языковых терминов, но и дополнение семантического поля анализируемых единиц с помощью экстралинг-

вистических аргументов. К ним относятся ситуация, повлиявшая на создание текста, его восприятие адресатом, коммуникативная и прагматическая установки писателя (или адресанта), сопоставление показанной в письменной речи картине мира с реальностью.

Основной задачей лингвистической науки является описание сущности и организации условий и предпосылок коммуникации между людьми. Поэтому в лингвистике текст принято понимать и как речевой продукт (рассматриваются как устная, так и письменная формы), и как произведение, зафиксированное на бумаге или на электронном носителе. При анализе учитываются синтаксические, семантические, языковые критерии цельности текста, единство его строения. Текст должен представлять собой функциональное, структурно-смысловое целое.

Например, В.Л. Юхт и Г.В. Ейгер выделяют два подхода к распределению текстов по их типологии. В первом случае основой выступает изучение видов связности в произведении и способов соединения между собой элементов, которые составляют текст. Во втором случае исследуется коммуникативная установка и заданные ею особенности письменной или устной речи [Ейгер, Юхт 1974, с. 107-108]. Говоря о втором методе, нужно отметить точку зрения основателя структурализма Р.Л. Jakobson, который предлагает использовать при анализе текста модель речевого акта. Это прежде всего оппозиции, которые строятся в зависимости от условий общения [Jakobson, электр. ресурс].

Структура речевого акта определяется и направленностью сообщения. По мнению лингвистов, тексты подразделяются на коллективные и индивидуальные. К коллективным относятся научная проза, деловая речь (постановления, законы и т. д). К индивидуальным – художественные тексты.

В процессе изучения единиц, которые составляют речевое произведение, берется во внимание и теория синтаксиса, как уже было указано нами выше. При этом рассматриваемая синтаксическая составляющая может быть больше, чем целое предложение. Такую единицу в науке принято называть

сверхфразовым единством или сложным синтаксическим целым. Исследования подобного типа относятся к гиперсинтаксису, новому лингвистическому направлению, еще не нашедшему полного отражения в системе русской грамматики. Труды, посвященные теории гиперсинтаксиса, имеются у Л.А. Булаховского, А.М. Пешковского и Н.С. Поспелова. В дальнейшем эта область синтаксиса была рассмотрена в работах Г.Я. Солганика, И.Р. Гальперина, И.А. Фигуровского и т.д. Большая заслуга в разработке трудов по проблеме гиперсинтаксиса принадлежит О.И. Москальской: в ее работах освещена также история этого явления.

Исследователи утверждают, что текст как комплекс структурно-семантических единиц способен оказывать влияние на слова, входящие в состав этого комплекса. Действие текста проявляется в реализации новых, латентных значений лексем, которые ранее были скрыты и выводились только с помощью контекстуального анализа. Данная особенность взаимного функционирования разноуровневых структур в произведении и является признаком, отличающим цельный текст от простого набора предложений. Лингвистика текста изучает и систематизирует факты о функционировании в речетворческом произведении различных единиц языка и их качестве: от звука до синтаксиса.

Межфразовые связи в тексте и их отношения также интересуют ученых по ряду причин. Во-первых, недостаточно изучен механизм, объединяющий смежные предложения между собой; во-вторых, актуализация этих связей (то, как через синтаксис передается авторская позиция) имеет имплицитный характер и потому требует более детального изучения. При рассмотрении семантической и синтаксической сторон произведения, а также средств их связи позволяет разработать новые, синтаксически более сложные структуры.

Выявление закономерностей формального и смыслового соединения единиц, которые составляют текст, также является задачей лингвистического анализа. Помимо лингвистики, он включает в себя семасиологию, лексиколо-

гию, стилистику, семиотику, прагматику и прочие языковедческие дисциплины более узкого характера. Важной особенностью комплексного исследования является неразрывная связь перечисленных направлений с текстом. Например, при определении семантической структуры слова можно использовать данные из семасиологии и лексикологии, однако только в тексте реализуется весь потенциал слова со всевозможными его значениями.

В том, что текст как речевое произведение должен рассматриваться целостно, уверено большинство ученых. По поводу же главной роли письменной речи мнения лингвистов расходятся. О.Л. Каменская считает текст средством вербального общения [Каменская 2005, с. 57-59], Д.С. Лихачев на первый план выдвигает автора как создателя этого средства [Лихачев 1981, с. 107-110], А.А. Леонтьев указывает на завершенность текста как основную составляющую [Леонтьев 1976, с. 11-13]. Мы будем придерживаться традиционной точки зрения и отметим, что, текст, в первую очередь, имеет как устную, так и письменную формы. Оформляется согласно цели адресата, аудитории, а также коммуникативным задачам, которые планируется реализовать.

На первый взгляд, вербальная коммуникация отличается от невербальной, но на самом деле разграничительных аспектов здесь немного. Так, основное отличие текста от устной речи состоит в том, что в речи письменной предусматривается возвращение к какому либо его фрагменту (текст можно заново перечитывать), тогда как вербальная беседа не дает такой возможности. Устная речь – это движение, она динамична. Природа текста двойственная: зафиксированное «речетворческое» произведение способно пребывать как в состоянии движения (если текст актуален, обсуждается и т.д.), так и в состоянии покоя (книга просто лежит, читатель ее не открывает). Однако вербальное общение ограничено временем, существование же текста не имеет временных рамок. Особенно, если вопросы, затронутые в книге, имеют общечеловеческий характер. По этой причине, например, произведения клас-

сической литературы считаются вечными и не устаревают [Яковлев 2001, с. 25-28].

Поскольку язык служит основным средством обеспечения двухсторонней связи между говорящим и слушающим, важно выстроить общение так, чтобы информация была верно понята и истолкована собеседником. Ученые подразделяют тексты по их функциям на 3 категории. К первой относятся научные, информационные и официально-деловые документы, ко второй – тексты информационно-оценочного типа (преимущественно публицистика) и к третьей категории – образно-оценочные, т.е. художественные произведения. Как правило, качественно выстроенный текст соответствует базовым принципам, в их число входят завершенность, цельность, информативность, связность и доступность для адресата [там же, с. 28-29].

Рассмотрим эти принципы подробнее. Информативность является ведущим текстовым критерием. Выражается в жанрах рассуждения, описания, а также повествования. Любой законченный текст должен содержать в себе какую-либо информацию и соотносить в себе сообщение и его смысл, раскрывая по-новому факт, событие или явление. По мере развития текста это соотношение может варьироваться. Так, И.Р. Гальперин дает следующую классификацию информационных типов, которые содержатся в тексте: содержательно-концептуальная (авторское понимание отношений между фактами и событиями), содержательно-подтекстовая (обнаружение скрытых связей между событиями и фактами) и содержательно-фактуальная информация (о фактах и событиях) [Гальперин 1974, с. 58-61]. При лингвистическом анализе письменной речи в первую очередь исследуется именно ее концептуальная структура, поскольку концепт включает в себя обобщенное представление о смысловой парадигме, которую использует человек в мыслительном процессе.

Еще одним признаком текста является связность, которая может быть семантической (эксплицитной) и формальной (имплицитной). Например, линейная формальная связь предложений отражает поверхностную совокуп-

ность элементов построения текста: «Ты...// ровесник Мамврийского дуба, // Вековой собеседник луны...» [Ахматова 2012, с. 306]. Анна Ахматова использует здесь местоименную связь, построенную на метафоричном переносе. Семантическая связность бывает глобальной (на уровне целого произведения) и локальной (когда по смыслу связываются некоторые части текста). Фрагмент речи, в котором присутствует описание, оценка или рассуждение, можно назвать предметом локальной связи или микротекстом. Например, в стихотворении «Воспоминание» ночной пейзаж отражает душевное состояние героини, ее тоску, поэтому картина выглядит мрачной: «Без фонарей как смоль был черен невольский вал, // Глухая ночь вокруг стеной стояла...» [Ахматова 2012, с. 244].

Интеграция (объединение) предложений в текст возможна только в том случае, когда выдержаны содержание и форма соответственно авторскому замыслу. Такая цельность выражается посредством ключевых слов, образов или персонажей (если речь идет о литературном произведении). Характерно, что интеграция обеспечивает вертикальную «спайку» частей текста, передавая авторскую позицию и выделяя наиболее значимые для этого концепты. По утверждению М.М. Бахтина, увидеть такие объединения возможно уже при первичном «разложении» произведения в рамках анализа [Бахтин 1979, с. 46-52].

Современная наука обращает внимание и на то, как отражается реальность в тексте. По мнению исследователей, речевое произведение сообщает о происходящем не только с помощью номинативных, но и посредством коммуникативных компонентов. Следовательно, функции, которые выполняет текст, многомерны. Это когнитивная (познавательная), коммуникативная и эмотивная составляющие.

В качестве коммуникационного единства письменная речь может быть как открытой, так и закрытой системой. В процессе сотворчества автора и читателя текст реализуется в их сознании. Кроме того, в зависимости от адресата объем информации, который передает один и тот же текст, может

быть разным. Это свойство называется открытостью. Сущностные параметры речетворческого произведения показывают его закрытость. К ним относятся законченность, ограниченность текста, отражающего объективную реальность и пребывающего в мире вне зависимости от того, как воспринимают его создатель и потребитель. Если в первом случае (открытости) текст находится в движении, то во втором преобладает состояние покоя [Яковлев 2001, с. 67-70].

Получается, рассмотрение письменной речи с разных точек зрения предполагает 2 варианта: 1) текст как абстрактная модель сложного смыслового единства; 2) как целенаправленное воплощение этой схемы в речи. Первый уровень называется эмическим или уровнем конструкторов, второй – речевым или этическим.

Что касается высказывания, то его целостность определяется: типичными жанровыми формами завершения; желанием говорящего; исчерпанностью темы разговора. Результат интегрирования в этом случае зависит от цели беседы и чувствуется участниками в момент ее завершения. В письменной речи роль ограничителя играет название, не позволяя автору выходить за пределы его семантического поля. Также название помогает направить внимание читателя в нужное русло. Другими словами, заглавие текста – это информация содержательно-концептуального характера, которая по мере «развертывания» текста претерпевает линейную организацию, затем интеграцию и завершается в финале произведения.

Все признаки текста и его категории выполняют одну общую функцию: реализуют коммуникативную цель адресанта или декодируют ее в процессе речевого акта. В первую очередь активизируется содержательно-информативная сторона высказывания. Цельность и завершенность текста как инструмента коммуникации обеспечивает его композиционная форма. Связности высказывания, как уже говорилось выше, способствует интеграция текстовых частей. Истинный смысл текста, по И.Р. Гальперину, можно постичь только через осознание содержания всех его предложений и понима-

ние характера взаимоотношений между единицами синтаксиса, составляющих текст [Гальперин 1974, с. 62-64].

Создание текста состоит из трех ступеней: ориентировки, исполнения и контроля. При этом предметом речевой деятельности является не смысловая ее сторона, а информация, которая объединена позицией адресанта и его замыслом. В письменной речи этот замысел реализуется через языковые средства. Под затекстом понимается событие, описанное в произведении, имеющее место в реальности (например, в «Реквиеме» Ахматовой говорится о тюремных очередях, которые были в Ленинграде 1930-е годы). Подтекстовой называется информация, поданная скрыто и извлекаемая читателем с помощью ассоциаций и ключевых деталей, символов и образов. Характерна больше для художественного текста. В случае, если адресат не видит знаков, отсылающих к авторской задумке, подтекст может остаться незамеченным.

Как утверждает Н.И. Жинкин, осознание смысла конкретного текста достигается путем объединения значений, которые содержатся в 2-х предложениях, расположенных рядом, и во всех следующих – до понимания авторского замысла и его коммуникативной цели [Жинкин 1998, с. 96-99]. Полное осмысление речевого произведения обеспечивает пресуппозиция – особая категория текста, его ситуативный фон. Она раскрывает межпредметные связи различных высказываний и основывается на определенных предположениях словесных значений, словосочетаний и синтаксических единиц, которые составляют целостный текст. Поэтому во время создания произведения, а также его осмысления реализуется категории ретроспекции и проспекции. К первой относятся элементы, которые возвращают читателя к ранее изложенному материалу, ко второй – элементы, показывающие высказывание в его перспективе. Получается, что адекватное восприятие текста любого характера – это ответ на базовые вопросы: 1) для чего автор создал именно такое произведение; 2) какова коммуникативная направленность данного текста.

Таким образом, письменная речь – это основная единица коммуникации. Только текстовая форма способна передать иллокуцию (намерение) ад-

ресата целостно и завершено. В основе композиции и реализации речевых произведений есть общие закономерности и принципы. Независимо от того, о каком виде коммуникации идет речь: массовой или личностной, текст в любом случае будет иметь собственную внутреннюю структуру и определенные категории. Эти признаки позволяют признать его воспроизводимой и моделируемой языковой единицей, играющей ведущую роль в общении людей между собой. С помощью текстовой организации речи и происходит коммуникативный процесс, поэтому немаловажно умение сторон создавать и воспринимать тексты, соблюдать основные законы передачи и получения сообщений. К ним относятся: соответствие названия/ темы содержанию текста/речи; смысловая и идейная завершенность; соответствие стилю, литературная обработанность высказывания/текста; наличие целостности и сверхфразовых единств; целенаправленность и прагматическая установка.

ГЛАВА 2. РЕАЛИЗАЦИЯ ИНВЕКТИВНОГО РЕЧЕВОГО АКТА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

2.1. Художественный текст как семиотическое явление и его связь с лингвокультурологией

В предыдущем параграфе работы мы рассмотрели текст в качестве языкового явления. Выявлено, что текст в широком смысле – зафиксированная на письме речь с помощью особой системы знаков (слов и предложений, смыслового целого), которая имеет свои особенности.

Какие же отличительные признаки имеет текст художественного стиля? Лингвисты называют его вторичной моделирующей составляющей, поскольку он сочетает в себе отражение объективного мира и вымысел автора. Естественный язык для художественного текста является строительным материалом и представляет собой особую семиотическую базу и характеризуется множественностью значений и интерпретаций.

Такие свойства тесно связаны и с самой структурой художественного текста, т.к. для него свойственно использование слов в переносном (или вторичном) значении. Воздействие поэтического языка заключается преимущественно в том, что в сознании читателя создаются ассоциативные представления, рисуется собственная картина мира. Могут присваиваться и новые значения уже известным вещам.

Абстрактность художественного текста, свобода его интерпретации, «неявность» смыслов делают его особенного привлекательным для изучения его языковой стороны. В поэтическом тексте исследователями выделяется 3 основные величины: 1) действительность; 2) понятийный аппарат; 3) герменевтическое истолкование этих понятий и придание им определенного значения. Т.е. в качестве речевой конструкции художественный текст можно представить формулой: «реальность – образ – текст». Объективность отображается в литературном произведении через образы, которые, преломляясь

в восприятии читателя, и создают конечный художественный текст. Сравнивая данный тип речи с другими, лингвист Г.В. Степанов замечает, что их схемы будут выглядеть так: «действительность – смысл – текст» [Степанов 1976, с. 158-160]. Отсюда видно, что ключевое звено цепи не совпадает, следовательно, свойства текста также меняются.

Приведенные выше особенности художественного текста порождают многоплановость смыслового характера. Чтобы было понятно, какая именно текстовая семантика имеется в виду, мы разграничим смысл текста и план его содержания (ПС). Так, явлением более высокого уровня, по мнению ученых, является смысл художественного произведения, который создается из взаимодействия ПС и контекста, а также из ситуативной и энциклопедической информации и ассоциаций читателя [там же, с. 161-162].

Если ассоциативный ряд можно вывести на основе заданного автором текста, то в случае с книгами по-другому: автор не может контролировать целостное восприятие адресатом сборника, тогда как, создавая одно стихотворение, поэт вполне может предугадать реакцию, которую оно вызовет. Немаловажную роль играет время, прошедшее с момента написания произведения. Например, «Реквием» во времена Ахматовой трактовался иначе, чем в XXI веке. Это связано с тем, что часть информации из текста потеряла свою значимость, и наоборот, были открыты новые факты о творчестве поэта, позволившие посмотреть на поэму под иным углом.

Синтагматические и прагматические отношения, которые складываются в семиотической системе художественного текста, имеют свои особенности. Парадигматика выражена в таком тексте достаточно слабо, имплицитно, поскольку включает в себя ассоциации, а они всегда индивидуальны. Синтагматика заключается в повествовательной канве произведения, т.е. в отношениях между сюжетными линиями в художественном пространстве. Поэтому она имеет четкую структуру, выражается эксплицитно и не предполагает домыслов. Что касается второго коррелятивного ряда, то он отсутствует в тексте художественного произведения и возможен лишь теоретически,

условно. Таким образом, структура литературного языка намного сложнее, чем сама система языковых отношений, по мнению лингвиста И.Г. Ткаченко [Ткаченко 2012, с. 173-175].

Изучение мира художественных текстов в совокупности с исследованием его языка – проблема семиотики, а не литературоведения, поскольку в расчет берутся знаковые системы. Область семиотики призвана сблизить язык и литературу, а также выявить их индивидуальные черты. Отличие художественного стиля речи от других – один из основных вопросов, которые рассматривает лингвистика.

Разнообразие интерпретация литературного текста обусловлено следующими причинами: во-первых, двойной смысл может быть заложен автором при написании произведения. К таким текстам относятся парадоксы, басни и афоризмы. Сама жанровая модель предполагает вариативности семантики. Во-вторых, то, как будет истолковано произведение, во многом зависит от модели мира, которая присутствует в читательском сознании. Кроме того, восприятие может основываться как на фактической информации (например, на исторических событиях), так и на персональном представлении читателя. Так, поэму А. Ахматовой «Реквием» одни считают трагической, поскольку в ней нашли отражение суровые времена репрессий. Другие же утверждают, что «Реквием» носит драматический характер, т.к. для их восприятия более близки чувства героини, нежели историческая картина в целом.

Важно отметить, что каждый читатель в такой ситуации прав своему. Анализируя текст, человек выбирает те семиотические признаки, которые ему ближе, и опирается на них при объяснении собственного выбора.

В связи с тем, что художественному тексту свойственно вступать в парадигматические отношения, уместно сказать о предложенной В.В. Виноградовым методике изучения письменной речи в целом [Виноградов 2005, с. 147-149]. Ученый характеризует данную методику как совокупность имманентного и проекционного методов. Основа имманентного анализа занимается исследованием структур внутритекстового характера, тогда как прием

проекция используется для сравнения одного художественного произведения с другим с точки зрения их знаковых систем. Книга исследователя «Сюжет и стиль» включает в себя подобные работы. Например, приводится подборка литературных произведений с идентичным сюжетом: о спрятанном в сундуке любовнике. Похожие труды есть и у В.Н. Топорова, в которых ученый сравнивает «поэтический диалог» А. Блока и Анны Ахматовой [Топоров 1995, с. 464-467]. По В.В. Виноградову, в художественных текстах присутствует 2 вида сил: центростремительные и центробежные [Виноградов 2005, с. 157-159]. Первые складываются из семантики, заложенной в деталях, смысловое единство, вторые же отвечают за непрерывность художественного творчества, за «неистертость» мысли автора.

Таким образом, семиотическая составляющая художественного текста представляет собой не только знаковую систему одного произведения, но и проявляется во взаимодействии с другими текстами.

Литературное произведение также может являться звеном цепочек ассоциативных рядов. Типология этих рядов строится на разных основаниях. Например, это может быть противопоставление по степени связанности элементов различных текстов между собой. Возможна и более масштабная связь, проходящая на уровне целого произведения, такое соответствие исследователи называют частным, т.к. оно встречается реже.

Для того, чтобы разграничить частные и глобальные соответствия, мы будем руководствоваться условием совпадения или несовпадения текстовой синтагматики, т.е. отношения между равноценными элементами текста (смысловыми отрезками, фразами и т.д.). В стихотворении такими частями могут быть слоги – ударные или безударные, в прозе – связь эпизодов в сюжете, сопоставление отношений между персонажами произведения, сравнение их характеров и прочее. Таким образом, смысловой критерий не всегда является решающим, поскольку в художественном тексте существует множество и других, не менее важных, составляющих. При анализе произведения на лингвистическом уровне учитывается не только смысл, заложенный авто-

ром, и читательское его восприятие, но и форма организации художественного текста.

Известный исследователь В.Я. Пропп в своем труде «Морфология сказки» указывает на то, что такие элементы, как функции или действия сказочных героев, являются основными в структуре сказки и несут семиотическое значение предиката [Пропп 1998, с. 32-33]. От сказуемых дальше развиваются второстепенные сказочные мотивы. А.А. Реформатский также использует понятие «мотив», отмечая его пропозициональную функцию в знаковой системе языка. По мнению ученого, предикаты художественного текста – элементы стабильные, которые могут выражаться через повторение сюжетных ходов в разных произведениях. Действие, составляющее основу сюжета, может быть одним и тем же, а вот подача зависит от конечного замысла писателя или поэта [там же]. Например, в стихотворениях Ахматовой диалог влюбленных выражается через знаковые детали, выдающие эмоции персонажей. У Л.Н. Толстого тот же диалог может происходить на уровне размышлений и развернутых описаний чувств героев.

Есть в научной литературе и другие примеры предикатов-основ. Ими, как правило, являются переносы действий исторических лиц в литературное произведение. Так создаются сюжеты, благодаря которым факты из истории находят свое отражение в творчестве. Братоубийственные войны Полиника и Этеокла, сыновей Эдипа, описаны в произведении «Семеро против Фив». Похожие сюжеты есть в трагедиях Софокла и Еврипида. Знаменитый «Гамлет» Шекспира тоже основан на ключевом действии короля Ричарда III, который шел к власти по трупам своих братьев [Хализев 1999, с. 36-37].

Подобных примеров в литературе множество. Художественные тексты в лингвистике допустимо сравнивать и по характерным чертам, которые дает автор своим персонажам. Так, А.Г. Баранов, рассматривая коммуникативно-знаковую систему языка, предлагает называть литературных героев переменными величинами [Баранов 2008, с. 47-50]. Текст, по мнению ученого, является вербальным произведением, которое воплощается в различных формах:

в устной, электронной, письменной и пр.) и служит средством «материального проявления коммуникации». Точное определение какого-либо художественного текста можно дать, только учитывая взаимоотношения «переменных величин» и авторский замысел.

В свою очередь, Ю.М. Лотман утверждает, что литературное творчество призвано создать некую модель мира, сообщение, передаваемое языком искусства и способное образовывать моделирующую систему в сознании адресата [Лотман 1972, с. 37-38]. По мнению же Л.Я. Гизбурга, главным аспектом художественного текста является точка зрения автора, его индивидуальное видение знаковой структуры произведения [Фигуровский 1969, с. 68-69].

В лингвистике семиотические единицы принято связывать с подтекстом произведения (если речь идет о художественной литературе), т.к. именно он и создает основную ценность таких текстов. Материал, который поэт или писатель берет из жизни, под действием законов искусства образует художественное произведение со своими особенностями и символами. Каковы же функции подтекста? Прежде всего, нужно отметить, что конфликт между внешним и внутренним смыслами для литературного текста не редкость. И зачастую подтекст выражает не конкретные факты, а мотивы, побудившие автора обратиться к той или иной теме. Сложность в том, что «угадывание» этих мотивов индивидуально и зависит от ассоциаций читателя и его собственной картины мира, о которых упоминалось выше. Поскольку таких трактовок может быть очень много, вероятность совпадения мнений автора и читателя мала. Поэтому языковеды обращают внимание на знаковые образы в произведении, которые служат опорным материалом при декодировании художественного текста [там же, с. 71-72].

При семиотическом подходе к изучению литературного произведения важно также учитывать концепты, сформировавшиеся в народном сознании. Для этого используется лингвокультурология, которая призвана ответить на ряд вопросов: 1) как именно культура участвует в формировании концептов языка; 2) какому смысловому значению концепта принадлежит тот или иной

«культурный смысл»; 3) имеется ли в действительности культурно-языковая осведомленность носителя языка, с помощью которой человек воплощает и распознает в тексте культурные смыслы; 4) осознается ли взаимосвязь культуры и языка слушающими и говорящими, и как это осознание влияет на их речь; 5) как создать универсальный понятийный аппарат на лингвокультурологическом уровне, который позволил бы наблюдать связь и динамику языка и культуры; 6) каковы концептосфера, дискурсы и семантика взаимодействия различных языковых культур друг с другом [Уорф 2011, с. 46].

Основная трудность, с которой сталкиваются исследователи-лингвокультурологи, заключается в том, что информация языковых знаков, которая имеет отношение к культуре, достаточно имплицитна, т.е. скрытого характера. К тому же, анализируемый концепт зачастую имеет множество толкований, а, следовательно, и разную культурологическую интерпретацию. Также нередко одно значение может содержать отсылку к понятию более частного характера. Например, совокупность языковых единиц мифологизированного типа включает в себя такие составляющие, как мифологемы, закрепленные в языковом сознании ритуалы, обычаи и обряды, традиции [там же, с. 44]. К. Юнг считал, что у всех людей есть способность образовывать общепонятные символы на подсознательном уровне. Выражаются они, по мнению ученого, в снах, легендах, сказках и мифах. Архетипы, по словам К. Юнга, выражают «коллективное бессознательное», т.е. ту его часть, которая унаследована нами от предков [Юнг 1998, с. 365-367].

Отметим, что лингвокультурологический анализ литературного произведения имеет свои особенности. В первую очередь, это филологические составляющие: функционирование слов в художественном тексте, актуализация образных (вторичных) значений концепта, значимость всех элементов текста, многоплановость значений входящих в него лексем, совмещение семантических и концептуальных полей, синтагматическая и парадигматическая структурность текста. Особенно важным в ходе анализа является опре-

деление опорно-тематических или ключевых слов-образов, которые несут основную смысловую нагрузку.

О внутренней форме ключевых слов-образов следует сказать подробнее. Она называется когнитивной субстанцией и выражается в виде имени существительного и смежных с ним по смыслу текстологических компонентов. Эти компоненты, в свою очередь, бывают: 1) эксплицитными и имплицитными; 2) лексическими, словообразовательными и грамматическими; 3) доминирующими и зависимыми; 4) синтагматическими и парадигматическими; 5) обязательными и факультативными; 6) ядерными и периферийными; 7) категориальными и идеосинкретическими; 8) обязательными и факультативными [Уорф 2011, с. 107].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что именно когнитивная субстанция и есть ключевое понятие, особенности которого берутся специалистами за основу при лингвокультурологическом анализе художественного (и не только) текста. Главными свойствами являются парадигматика морфологических признаков, предметность текста, его конкретность, нарицательность входящих в него имен существительных, а также компонентность, объективность и контекстуальность художественного произведения. Последнее свойство особенно важно для полного «погружения» в сферу концептов и архетипов определенной культуры, а также правильного истолкования знаковой системы определенного художественного текста.

Так, отдельные стихотворения А. Ахматовой важно рассматривать в контексте всего творчества поэта, а также с учетом времени их написания, поскольку инвектива у А. Ахматовой часто выводится именно через контекстуальные детали и сквозные образы-символы. Например, образ художника слова в произведениях 30-х годов («Черепки», «И вовсе я не пророчица», «Зачем вы отравили воду» и т.д.). Обличения находят свое развитие при последовательном переходе из одного текста в другой, большое значение имеет и фоновая информация, данная в стихотворениях. Концепты, на которых она строится, отражают жизнь людей эпохи, описанной в произведении. В поэме

«Реквием» такими концептами являются черные «маруси», «звезды смерти», символизирующие репрессии и режим «несвободы». По концептуальным значениям и контексту стихотворений читатель выводит скрытые инвективные послы в творчестве А. Ахматовой.

2.2. Проявление инвективы на лексическо-семантическом уровне в произведениях А. Ахматовой

Лингвистическая реализация инвективы в художественном тексте может проявляться на разных уровнях. Ученые выделяют лексический, синтаксический, композиционный, стилистический, лингвокультурологический, грамматический и другие аспекты выражения обличительных высказываний и инвективных речевых актов [Яковлев 2001, с. 214-215]. В рамках нашей работы мы рассмотрим первые 4 признака, остальные будут упоминаться обзорно.

В языкознании состав инвективы в широком смысле предполагает наличие грубой или вульгарной лексики, оформленной в виде унижительной для адресата фразы. В более узком понимании допускаются иные варианты лексики, содержащейся в обличении. Так, в произведениях художественной литературы герои могут обмениваться гневными репликами без использования брани. В этом случае инвективный характер их речи будут придавать изобразительно-выразительные средства языка как лексического, так и синтаксического происхождения (преимущественно ирония, сарказм, инверсия и многозначность слов, построение предложения). Также для инвективы в любом тексте, включая художественный, необходимо присутствие иллокутивной направленности на адресата и намерения говорящего обличить своего оппонента в чем-либо.

Отметим, что в литературе встречаются такие виды инвектив, как ролевая и самоинвектива. Последняя актуализуется в ситуации монологического общения: лирический герой, размышляя о жизни, приходит к выводу, что

был неправ, и высказывает упреки самому себе. Например, в строках из эпиграммы А. Ахматовой: «Я научила женщин говорить... // Но, Боже, как их замолчать заставить!» [Ахматова 2012, с. 252] - героиня сетует на то, что ее труды принесли даже больший отклик, чем она ожидала. Обличение здесь обращено к действию самого адресанта, которое повлекло не вполне предсказуемые последствия.

Ролевой инвективой принято называть обращение автора к адресату не от своего лица, а через образы персонажей. В литературоведении понятия «автор» и «лирический герой» не тождественны, следовательно, стихотворение в принципе не может содержать авторскую речь. В нем присутствуют только слова персонажей. Поэтому ролевым можно считать высказывание, произнесенное от 1 л. ед. ч. «я» или подразумевающее наличие такого местоимения, как наиболее близкое автору. Иногда может встречаться и форма 1 л. мн. ч. «мы». Читаем у М. Ю. Лермонтова: «А вы, надменные потомки, // Известной подлостью прославленных отцов... // И вы не смоете всей вашей черной кровью // Поэта праведную кровь!» [Хализев 1999, с. 92]. Здесь прослеживается оппозиция «я – вы» либо «мы – вы». Автор передает волнующие его мысли посредством антитезы, которая противопоставляет морально-этические качества лирического героя качествам адресатов («надменных потомков»). Ролевая инвектива используется нечасто, но за счет присутствия в ней авторского начала звучит жестче, чем междоусобные «перебранки» героев, поскольку под ее адресатами подразумеваются реальные люди. Впрочем, доказать это не всегда представляется возможным, т.к. данная информация относится к подтекстовой, а ее интерпретация предполагает субъективное начало.

Мы же делаем акцент на тех чертах обличительного речевого акта в художественном тексте, которые можно выявить, исходя из семантики словарного состава инвективы, ее структуры и синтаксических особенностей, а также жанра произведения. Стихотворная форма текста предполагает наличие лексики высокого стиля, поэтому и речь лирических героев – это, в

первую очередь, литературный прием. В совокупности с другими изобразительно-выразительными средствами языка инвектива придает тексту чувствительность и экспрессивность, а художественным образам – яркость.

Произведения Анны Ахматовой содержат книжную лексику, которая полностью исключает «сниженность» обличений, содержащихся в общении героев. В словарном составе лирики поэтессы акцент делается на значении лексем с отрицательной коннотацией, входящих в инвективу.

Стихотворение «Не мешай мне жить – и так не сладко...» содержит обличительное высказывание смягченного характера. Предикат с отрицательной частицей «не» (мешай) образуют просьбу лирической героини. Героиня советует своему давнему другу не затруднять ее и без того сложную жизнь. Глагол «мешать» имеет синонимы «препятствовать», «служить помехой чему-либо» и т.д. Инвективный характер фразе придает и семантика второй части предложения. В ней также используется отрицание, помогающее Ахматовой описать качество жизни своей героини «не сладко». Сказуемое, выраженное наречием и употребленное в переносном значении, согласно словарю Т.Ф. Ефремовой («сладко» - перен. разг. О счастье, довольстве, благополучии, царящих где-л.) [Ефремова, электр. ресурс], носит разговорный оттенок. Это делает инвективу мягче, обличение здесь не содержит императива, поэтому оно больше напоминает именно просьбу уставшего человека, а не приказ. Оппозиции «я – ты», «мне – тебе» есть, но просматриваются слабо. Адресат выражен явно, это лирический персонаж, с которым главная героиня знакома с детства.

Размышляя о былых днях, ахматовская героиня подводит печальный итог: «В прежних жизнях мы с тобою счеты // Плохо подвели, о бедный друг! // Оттого не спорится работа, // Сухо в горле, кровь бормочет что-то // и плывет в глазах кровавый круг...» [Ахматова 2012, с. 273]. Обличительное высказывание обращено и к адресату, и к адресанту. По классификации, предложенной Г.М. Бралиной, инвективные звенья в данных строках расположены следующим образом: «обвинение – доказательство – результат содеянно-

го» [Бралина 2008, с. 4-5]. Однако резкого обвинения здесь нет, только мягкий укор в адрес чувств персонажей. Память об их душевной связи мучительна для обоих, и в то же время герои не могут отпустить эти воспоминания. И результатом такого отношения к прошлому выступает повседневная работа, которая «не спорится», т.е. не протекает успешно, не удается. Но-стальгия отражается и на физическом состоянии персонажей. Выражение «сухо в горле» по семантике приближено к фразеологизму «комоч в горле», что передает состояние, близкое к отчаянию. Далее идут однородные предикативы: «кровь бормочет», «плывет в глазах». Фразеологизмы подобного типа говорят о полубессознательном состоянии человека. Однокоренные слова «кровь», «кровавый» усиливают эффект изможденности и хронической усталости героев от собственных мыслей. Лингвистически «подвести итог», значит завершить закончить какое-либо дело, поставить точку в отношениях. Причем подразумевается, что без возможности возвращения к ним опять. Персонажи Ахматовой пошли против природы языка и не смогли окончательно расстаться с иллюзиями прошлой жизни. Поэтому оппозиция будет уже выглядеть по-другому: «мы – наша память». В какой-то степени обличение, присутствующее в процитированных строках, можно назвать самоинвективой, т.к. целью ее является не поиск виноватых, а попытка лирических героев разобраться в собственном внутреннем мире.

Тема памяти не только о прошлом, но и, возможно, о прежних жизненных воплощениях проходит через все произведение. В каждой его части она подается по-разному, но неизменно является предметом инвективы: «Иль в каких-то подземельях черных // Мертвой оставлял меня не раз» [Ахматова 2012, с. 273]. Речь идет о воображении героя, который, силясь покончить с воспоминаниями, терзающими душу, представляет бывшую подругу мертвой. Вновь выявляются оппозиции «я – ты», и уже звучат жестче. Несмотря на то, что мысли подобного рода – только предположение героини, представлено оно не в вопросительной, а в утвердительной форме, как нечто уже совершённое.

Далее читаем: «И при виде жертвы позабытой // Места не найти теперь... // Что там – окровавленные плиты // Или замурованная дверь?» [там же]. Жертвой в языковом понимании называется существо, пострадавшее от кого-то или чего-то либо вовсе погибшее. Позабытая жертва – вызов к совести мучителя, инвектива в его адрес. «Не находить места», согласно словарю фразеологизмов, значит сильно переживать, тревожиться. Обличение передается с помощью иронии, заложенной в устойчивом выражении и выводимой из совокупности значений слов, составляющих инвективу. Образ друга ахматовской героини принимает очертания палача, которому напомнили о давнем грехе. Можно проследить нарастание иронии, переходящей в сарказм. Причастия «окровавленные» (плиты) и «замурованная» (дверь) имеют семантику негативной коннотации и воспринимаются как последствия жестоких действий персонажа.

В заключение своих раздумий лирическая героиня с усмешкой замечает: «В самом деле – сотни километров, // Как ты и сказал мне – сущий вздор, // И знакомый с детства голос ветра // Продолжает наш старинный спор» [там же, с. 274]. Адресат выражен неявно, но оппозиция «я – ты» присутствует. Спор – это столкновение мнений, которое зачастую приводит к конфликту, т.к. собеседники не слышат друг друга. Для героев А. Ахматовой даже большие расстояния – «сущий вздор» (ерунда, бессмыслица), не мешающий общению. Их воспоминания настолько сильны, что даже ветер выступает в качестве посредника, а не преграды. Поэтому, несмотря на наличие резкой инвективы в середине стихотворения, читатель понимает, что конфликта между героями нет. Все обличения направлены на тот образ персонажа, который представляет себе лирическая героиня, следовательно, могут быть восприняты адресатом только в ее сознании.

Лексический состав инвективы играет важную роль в ее выявлении, ведь семантика каждого отдельно взятого слова в контексте всего выражения может порождать новые значения. Рассмотрим стихотворение: «И яростным вином блудодеянья // Они уже упились до конца. // Им чистой правды не ви-

дать лица // И слезного не ведать покаянья». Поэтесса намеренно использует возвышенную лексику, почти дословно пересказывая строку из Библии: «...ибо яростным вином блудодеяния своего она [блудница] напоила все народы». [Библия, откр.18:2, с. 156]. Ахматова показывает пороки общества, низость нравов людей, распустившихся как телесно, так и духовно, отошедших от веры.

Инвектива обращена к личностям, нарушившим заповедь, гласящую: «Не прелюбодействуй». В роли адресанта выступает образ высших сил, от имени которых говорит автор. В этом случае противопоставление сторон будет выглядеть так: «вера – они». Адресаты – лирические герои, потерявшие моральный облик в пылу страстей. Обличительная композиция выстроена по схеме: «обвинение – угроза», доказательного звена нет, и это делает инвективу категоричной и резкой.

Покаяние в православии означает обдуманый шаг человека, решившего попросить прощения у Бога за свои грехи. В старославянском глагол «ведать» имел семантику предиката «знать», а «упиться» в контексте стихотворения приобретает метафорический смысл – потерять голову от чего-либо. Исходя из значения сказуемых, используемых поэтом, читатель понимает: «лицо чистой правды» недоступно людям, сознательно отказавшимся от веры, поэтому и «слезное покаяние» им не поможет. Да и не знают они, что такое истинное раскаяние, поскольку «до конца», т.е. окончательно растворились в своем «яростном» (неистовом и чрезмерном) грехе.

Особую выразительность инвективы приобретают в ахматовских произведениях публицистической направленности. В стихотворении «Защитники Сталина» обличение происходит на разных уровнях, в том числе и на лексико-семантическом. В первой строке начинается прямая речь, автор цитирует адресатов (в данном случае точное их количество не указано, предположительно, их много, толпа). «Это те, что кричали: «Варавву // Отпусти нам для праздника...» [Ахматова 2012, с. 212]. В речи упоминается библейский персонаж Варавва. По преданию, он был убийцей и разбойником, освобожден-

ным подкупленной толпой римлян вместо Иисуса Христа. Здесь идет отсылка к заголовку стихотворения и прослеживается сравнение со Сталиным, которого защищают незаслуженно. У А. Ахматовой судьбы Вараввы, а также Сократа, о котором упоминается в 3-й строфе, символизируют невежество людей, говорящих о том, в чем они не разбираются.

Второе четверостишие начинается так: «Им бы этот же вылить напиток...» [там же]. Здесь указание на отраву, которую пришлось выпить Сократу. Используется соответствующее местоимение с усилительной частицей «же».

Грамматические формы глаголов подчеркивают суровость приговора, который ожидает невежественную толпу. Прошедшее время «кричали», «велели» переходит в условное «вылить бы», что усиливает инвективный контекст. Адресат в стихотворении выражен имплицитно (неявно), преобладает обобщенная форма высказывания: «те», «им» (дательный падеж местоимения «они»). Адресантом является сам автор.

На синтаксическом уровне отмечаются ряды однородных сказуемых («кричали», «велели»), показывающих череду злодеяний, и дополнений, раскрывающих сущность тех, с чьего молчаливого согласия вершится зло («милые любители пыток», «знатоки в производстве сирот»). Значения таких дополнений выходят из контекста. С целью усиления инвективного эффекта поэт использует оксюмороны «милые любители пыток» и «невинно клеветущий».

Слово «производство» в словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой – «изготовление, выработка, создание какой-нибудь продукции. Например, производство стали. Вещь фабричного производства» [Ожегов, Шведова 2006, с. 759]. У А. Ахматовой – «производство сирот». Сирота – это ребенок, оставшийся без попечения родителей, соответственно, он не может быть вещью. Поэт нарушает лексическую сочетаемость, но делает это не случайно. Акцент здесь перенесен на бесчеловечность злодеев-клеветников.

Уже с первых строк воспринимается как инвективное стихотворение «Зачем вы отравили воду». Анна Ахматова использует риторические, наполненные горечью и гневом, вопросы. На них и строится почти все стихотворение. И только последние 3 предложения – повествовательные, а не вопросительные. Предложения звучат отрывисто и сухо: «Пусть так. Без палача и плахи // Поэту на земле не быть...» [Ахматова 2012, с. 224]. О едва сдерживаемом отчаянии притесненного поэта говорит экспрессивный повтор: «Нам покаянные рубахи, // Нам со свечой идти и выть» [там же]. В выводе, к которому приходит героиня, звучит сдержанный гнев и одновременно обреченность.

Субъектно-объектные отношения построены на оппозициях: «я, мы – вы». Адресантом является поэт, который говорит как от своего лица («мой», «моей», «я»), так и от всех стихотворцев мира. На это указывают обобщение «поэту» и местоимение «нам». Адресат выражен имплицитно, т.к. местоимение «вы» (2 л. мн. ч.) используется в абстрактно-обобщенном виде. Из сюжета стихотворения неясно, кто именно злодей, нет указания на конкретное лицо. Есть только косвенное сравнение с палачами. В словаре С.И Ожегова палач – это «человек, который приводит в исполнение приговор о смертной казни, производит пытки». А в переносном значении – «жестокий мучитель, угнетатель. Например, палач свободы» [Ожегов, Шведова 2006, с. 707]. По нашему мнению, А. Ахматова имела в виду именно такое, метафорическое значение.

Важную роль в тексте играют эпитеты: последняя (свобода), горькая (гибель), печальная (родина). Они усиливают инвективную окраску высказываний. «Последнюю свободу» лирическая героиня сравнивает с вертепом. В толковом словаре Д.Н. Ушакова вертеп – это: 1) притон, место разврата и преступлений (книж.); 2) ящик с марионетками для представления драмы на евангельский сюжет о рождении Христа (этногр., театр.); 3) само это представление (театр., этногр.) [Ушаков 2005, с. 153]. Судя по семантике, в стихо-

творении имеется в виду 3-й вариант, как своеволие, балаган, который вынужден терпеть поэт.

Усиливают инвективную интонацию экспрессивные анафорические повторы в вопросах «Зачем вы отравили воду...?», «Зачем последнюю свободу...?». Ответы героиня дает сама, тоже в вопросительной форме, словно подыскивая наиболее верный: «За то, что я не издевалась // Над горькой гибелью друзей? // За то, что я верна осталась // Печальной родине моей?» [Ахматова 2012, с. 224]. Вопросно-ответная (монологическая) форма обличения показывает силу обличения и степень экспрессии говорящего. Глаголы указывают на конкретные действия, за которые осуждаются злодеи: «отравили», «смешали с грязью» (в значении «опозорить, унижить, очернить» - словарь синонимов), «превращаете».

Описанные злодеяния создают контраст с действиями героини: «не издевалась», «осталась верна». И в заключение – ее клятва: «Пусть так. Без палача и плахи // Поэту на земле не быть. // Нам покаянные рубахи, // Нам со свечой идти и выть» [там же]. Семантика глаголов «Не быть», «идти» и «выть» передает смирение героини, к которому она пришла через мучения, доставленные врагами. В данном стихотворении инвектива проявляется через различные грамматические категории и сопровождается тропами, усиливающими мощь обличения. Ключевым является образ толпы, которому присвоена негативная оценка.

Таким образом, проанализировав стихотворения А. Ахматовой «Не мешай мне жить – и так не сладко», «И яростным вином блудодеянья», «Защитники Сталина» и «Зачем вы отравили воду...» преимущественно на лексико-семантическом уровне, мы выявили, что словарный состав произведений обценной лексики не содержит. Инвектива выражается чаще всего гневными вопросами-выпадами, амплификация отсутствует. Присутствуют как личная, так и обобщенная формы высказывания. Субъектно-объектные отношения построены на оппозициях «ты – вы», «я – мы», «мы – вы». Гневный пафос передается через различные изобразительно-выразительные сред-

ства языка как на лексическом, так и на синтаксическом уровнях через сравнения, эпитеты, метафоры, риторические вопросы, анафоры и ряды однородных членов предложения.

Все эти признаки указывают на то, что художественная инвектива в поэтическом тексте – это особый речевой акт, реализующий коммуникативные намерения лирических героев, чаще – адресанта, т.к. форма стихотворений монологическая. Автор вводит инвективные высказывания в речь персонажей, чтобы придать ей яркость, выразительность и экспрессию. А это, в свою очередь, углубляет и конкретизирует идейную направленность текста, позволяя читателю лучше понять авторский замысел.

2.3. Проявление инвективных выражений на уровне синтаксиса в произведениях А. Ахматовой

В литературном тексте обличительные высказывания могут быть выражены иронией, метафорами, аллегориями и прочими изобразительными средствами. Участниками вербальной коммуникации здесь являются образы, созданные автором, а не реальные люди. Соответственно, все речевые действия направлены не на читателя, а развиваются только в рамках текста конкретного произведения. Поэтому в художественном тексте гневный выпад является не оскорблением, а средством обличения и выражения эмоций лирического персонажа.

Поэтому к основным отличительным признакам инвективы в художественном произведении относятся: образность, стилистика текста и, соответственно, книжная лексика, а также повышенная эмоциональность речи героев. Выражается все это через тропы, т.е. изобразительные средства языка, которые, в свою очередь, смягчают саму инвективу.

Поскольку текст – это письменная речь, основные коммуникативные законы в нем действуют аналогично устной. На письме, в отличие от «живой», звучащей речи, нельзя зафиксировать высоту тона и громкость голоса,

но можно определить грамматические категории, посредством которых и создаются обличительные высказывания. Рассмотрим, как выражается инвектива в поэзии А. Ахматовой на синтаксическом уровне.

Поэтическое произведение «А, тебе еще мало по-русски...» состоит из четырех строк, которые образуют одно предложение. Смысловое целое («на всех языках») противопоставляется части («по-русски»). Такой контраст является одним из синтаксических средств создания художественной инвективы.

Субъектно-объектные отношения строятся на оппозиции «ты» - «мы». Личное местоимение 2 л. ед. ч. «ты» содержит указание на конкретное лицо, лирический герой эксплицитно (явно) выражен. По-видимому, это враг, неприятель, который стоит в стороне от остальных людей. К нему и обращен гневный выпад: «А, тебе еще мало по-русски» [Ахматова 2012, с. 201]. Адресантом же является весь русский народ, сплоченный общей борьбой, поэтому для его обозначения Ахматова использует обобщающее местоимение «мы» (в родительном падеже - «у нас»).

Стихотворению характерна экспрессия. Она выражается через усиленную частицу «еще», а также – с помощью сочинительного союза «и», который повторяется в предложении 3 раза. В контексте всего произведения важную роль играет наречие «почем». В словаре Н.Д. Ушакова оно помечено как просторечие, у С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой – разговорное [Ожегов, Шведова 2006, с. 725]. Ахматова намеренно использует именно такую грамматическую форму данного наречия, приближая язык стихотворения к народному. В сочетании со словами «совесть» и «страх» лексема «почем» содержит указание на продажность адресата обвинения.

Итак, в стихотворении «А, тебе еще мало по-русски» имеется инвектива, которой присущи как собственно речевые признаки (гневный пафос, явно выраженный адресат, субъектно-объектные отношения «ты-мы»), так и литературно-художественные особенности (образность, повышенная эмоцио-

нальность адресанта, построенная на контрасте). Лексика характерна смешанная, преобладает книжная.

В стихотворении «Последний тост» поднимается тема разлуки, которая пересекается с мотивами памяти. Вспоминая прошлое, героиня понимает, что той жизни, которую она знала раньше, больше нет. Теперь бытие приобретает новые, отрицательные черты: «Я пью за разоренный дом, // За злую жизнь мою...» [Ахматова 2012, с. 165]. Обличение не имеет конкретного адресата, оно направлено на мир, который «жесток и груб» [там же], следовательно, и на людей, сделавших его таким. Можно сказать, что в произведении присутствует ролевая инвектива, поскольку повествование ведется от имени лирической героини с использованием местоимения «я».

Состоит стихотворение всего из 1 предложения. В нем перечисляются все невзгоды, ставшие предметом тоста персонажа. Синтаксическая структура представлена односложно: из восьми строк 6 начинаются одинаково: «За...», - и далее идет дополнение с зависимым определением, указывающее, чему именно посвящается тост: «За ложь меня предавших уст, // За мертвый холод глаз...» [там же]. Такая синтаксическая структура выбрана Ахматовой не случайно. Примечательно, что в числе поводов для тоста есть и бывший возлюбленный героини: «И за тебя я пью». Разлука с ним для женщины тяжела, еще более невыносимы воспоминания, связанные с их совместным прошлым.

С помощью рядов однородных дополнений создается градация: сначала упоминаются горести общего плана («разоренный дом», «злая жизнь»), затем значения приобретают более интимный характер («одинокость вдвоем», «предавшие уста», «мертвый холод глаз»). Душевная боль героини усиливается и выливается в резкий, категоричный вывод: «За то, что мир жесток и груб, // За то, что Бог не спас» [там же].

Отчаяние и горечь разочарования наводят женщину на греховные мысли, заставляя усомниться в способности Всевышнего помочь ей. Поскольку слово «Бог» в стихотворении написано с заглавной буквы, это дает основание

считать героиню верующей. И читатель понимает, что последняя фраза произнесена на эмоциях и носит экспрессивный, а не инвективный характер. Отсюда выходит прием идейного противопоставления: с одной стороны – люди, сделавшие мир жестоким, с другой – Бог, который мог бы спасти их, если бы они искренне поверили в него.

Основная часть произведений, анализируемых в данной работе, входит в сборник «Бег времени», окончательно пропущенный цензурой только в 1965 году. Стихотворения собраны в книге не случайно, а объединены общей темой и композицией. Многие из них содержат обличения в адрес власти, повествуют о тяжелой жизни советских граждан, ставших жертвами репрессий и жесткого тоталитарного режима.

Встречаются в сборнике и другие темы. Так, стихотворение «О, жизнь без завтрашнего дня!..», посвящено теме любви. Заглавие ему Ахматова дает по первой строке, которая является патетическим восклицанием. Далее следует пояснение: «Ловлю измену в каждом слове...» [Ахматова 2012, с. 132]. Здесь присутствует самоинвектива, но больше на уровне экспрессии и адресуется лирической героине. Чрезмерная внимательность, обостренная чувством ревности, не дает влюбленной покоя, она раздосадована собственными эмоциями. Возможно также, что, живя только настоящим, она не задумывалась о том, что будет дальше, страсть закрывала глаза ей на многие вещи, очевидные теперь, в момент разрыва.

Характерно, что, говоря о расставании, героиня использует метафору с инверсией: «И убывающей любви // Звезда восходит для меня» [там же]. На первое место ставится факт ослабления чувства, но звезда, символизирующая эту эволюцию, еще не взошла, так как героиня пока только начинает осознавать произошедшее. Применение полногласной лексемы «любви» вместо обычного слова «любови» указывает на торжественность и особое значение высокого чувства.

Во втором четверостишии содержится описание любовных встреч персонажей: «Так незаметно отлетать, // Почти не узнавать при встрече. // Но

снова ночь. И снова плечи // В истоме влажной целовать» [там же]. Весь катрен написан неопределенными глагольными формами. Из этого можно заключить, что героиня не собирается никого обвинять в том, как проходили их свидания. Синтаксически ночи возлюбленных противопоставляются их дням, символизируя преобладание страсти в отношениях.

Из следующей части стихотворения читатель узнает, что такая любовь не была настоящей и превратилась в мучительную пытку для обоих героев. Обличение здесь направлено на неискренность и недолговечность чувств: «Тебе я милой не была, // Ты мне постыл. А пытка длилась, // И, как преступница, томилась // Любовь, исполненная зла» [там же]. То, что поначалу казалось возвышенным, приобретает преступный характер. Сравнение «как преступница» и причастный оборот «исполненная зла», а также глаголы «постыл», «томилась» указывают на затянутость отношений, уже не приносящих радости. Любовь, томящаяся в неволе страстей героев, еще может вызвать жалость, но чаще – раздражение и злость.

Заканчивается произведение метафоричным сравнением: «То словно брат. Молчишь, сердит. // Но если встретимся глазами, – // Тебе клянусь я небесами, // В огне расплавится гранит» [там же]. Высказывание имеет инвективный характер. Оно содержит и косвенное обвинение персонажа «словно брат», и доказательство (его сердитое молчание), и угрозу «в огне расплавится гранит». Оппозиций можно выделить несколько: 1) «я – мои чувства»; 2) «истинная любовь – страсть»; 3) «я – ты». В первом случае это будет самоинвектива, во втором – противоречия между возвышенным чувством и мучительной страстью, а в последнем – уже противостояние сдерживаемого гнева. Подобно грозовой туче, лирическая героиня готова прожечь взглядом бывшего возлюбленного. Трагизм разрыва показан у Ахматовой напряженно и в то же время сжато. Как и во многих ее стихах, сюжет выводится через детали, а в отношениях персонажей недосказанность порождает контраст чувств: от страстной нежности до испепеляющей ярости.

В качестве языкового явления инвективу, в том числе и в художественных текстах, отмечают на синтаксическом уровне. Стихотворение «Всё расхищено, предано, продано» с первых строк создает у читателя ощущение безысходности. Начальная строфа состоит из одного предложения, в котором преобладает перечисление предикатов с негативной семантикой: «предано», «продано», «расхищено», «мелькало» (крыло черной смерти), «изглодано». Стихотворение содержит две смысловые составляющие: 1) нечто страшное, голод, смерть; 2) сплочение людей через общую беду. Местоимение «мы» используется не случайно. В отличие от предыдущего стихотворения здесь нет оппозиции, потому что главной идеей выступает не разобщение, а объединение персонажей. Позитивный риторический вопрос, с которым героиня обращается к адресату-сообщнику, завершает предложение. Судя по контексту произведения, обращение адресовано всему русскому народу: «Отчего же нам стало светло?» [Ахматова 2012, с. 130]. Горькое инвективное перечисление однородных сказуемых завершает антитеза, с ее помощью делается переход ко второй смысловой части.

Инвектива, резко брошенная лирической героиней в начале текста, постепенно смягчается. Гневный вызов обращен не к лирическим героям, а скорее к событиям, совершённым в прошлом. Эти действия преподносятся как факт, уже ставший частью истории, следовательно, угрозы за содеянное не предполагается. Адресат, на которого направлена инвектива, не является конкретным персонажем, поэтому его, согласно трудам С.А. Матяш, можно считать имплицитным, абстрактным [Матяш 2007, с. 40-41].

Вторая строфа – это пейзаж мирного июльского дня, описание великолепия природы, в которой все идет своим чередом: «Днем дыханьями веет вишневыми // Небывалый над городом лес, // Ночью блещет созвездьями новыми // Глубь прозрачных июльских небес...» [Ахматова 2012, с. 130]. Мелодика стиха передает ощущение покоя и умиротворенности. В контексте со следующими строками природа перед лицом человечества предстает как нечто возвышенное, дарит надежду на лучшее: «И так близко подходит чудес-

ное // К развалившимся грязным домам, // Никому, никому не известное, // Но от века желанное нам» [там же]. Легкая ирония передается на синтаксическом уровне с помощью контраста и экспрессивного повтора. Неопределенное местоимение «никому» имеет отрицательную коннотацию и приводится в тексте дважды. Противительный союз «но» сглаживает экспрессию, оставляя персонажей с надеждой, которая поможет героям перенести тяжелые времена. Отглагольное прилагательное «желанное» и существительное «чудесное», образованное от прилагательного, указывают на тесную связь между чувственным восприятием персонажей и реальным миром. Чудо как синоним слова «чудесное», по мнению лирической героини, может быть «не известное никому», но главное, чтобы каждый в отдельности верил в лучший исход событий. И тогда вторая смысловая категория – «мы» (русский народ) будет преобладать над первой (нищетой, предательством, голодной тоской).

На наш взгляд, в данном стихотворении Ахматова предполагает позитивный финал, т.к. инвектива присутствует лишь в начале произведения, являясь отправной точкой сюжета. Далее стихотворение строится преимущественно на словах с положительной семантикой с использованием повествования.

Итак, на синтаксическом уровне инвектива у А. Ахматовой выражается чаще всего через 1) противопоставление («ночь – день»); 2) конструкции с использованием неопределенных глагольных форм, обезличивающих действия героев («целовать», «не узнавать» и т.д.); 3) инверсии, указывающие на противоречия в отношениях героев и их неоправданные ожидания; 4) анафорические повторы («За то, что мир жесток и груб, // За то, что Бог не спас»); 5) сравнения («как преступница») и 6) сложные распространенные предложения с рядом зависимых дополнений («...пью // За ложь меня предавших уст, // За мертвый холод глаз...»). Все эти приемы придают дополнительную выразительность языку ахматовских произведений и усиливают инвективную направленность художественного текста.

2.4. Анализ грамматических категорий обличительных высказываний и их функция в стихотворениях А. Ахматовой

Как уже отмечалось нами в первой главе, лингвистическая инвектива может меняться, и в зависимости от цели ее употребления, а также стилистики текста, выступать в различных качествах. В художественных произведениях авторы часто используют инвективу в качестве дополнительного изобразительно-выразительного языкового средства, чтобы сделать текст более экспрессивным. Еще одна функция такой инвективы – придание образности и выразительности речи героев. Основные признаки, позволяющие выделить это коммуникативно-лингвистическое явление в тексте: 1) гневный пафос; 2) наличие адресата (явного или скрытого); 3) амплификация.

Исследователями отмечаются также грамматические категории, которые указывают на присутствие инвективы в произведении в качестве дополнительного средства выразительности. В первую очередь, это формы местоимений, создающие оппозиции «я – ты», «я – вы», реже «мы – вы». Второй признак – переходность глагольных наклонений (из изъявительного в условное либо в повелительное). Не случайна и смена временных форм глагола (прошедшее время переходит в настоящее, затем в будущее). Некоторые исследователи, в частности Г.М. Бралина полагает, что возможен и более быстрый переход категорий времени, когда звено «настоящее время» опускается. В этом случае инвектива звучит жестче [Бралина, 2008, с. 4-5].

Рассмотрим, как она может проявляться в конкретных художественных произведениях, на примере поэзии А. Ахматовой. В первой строке стихотворения «А, ты думал, я тоже такая?» содержится риторический вопрос, который включает в себя обвинение адресата. Лирическая героиня гневно спрашивает бывшего возлюбленного, как именно он представлял себе ее характер. Далее следует перечисление предположительных мыслей лирического героя: «Что можно забыть меня / И что брошусь, моля и рыдая, / Под копыта гнедого коня. / Или стану просить у знахарок / В наговорной воде корешок / И пришлю тебе страшный подарок - / Мой заветный душистый платок» [Ах-

матова 2012, с. 133-134]. Однородные сказуемые «стану просить», «пришлю», «брошусь» и деепричастный оборот «моля и рыдая», придают тексту экспрессию и содержат в своем значении иронию. Именно это придает инвективный характер речи героини.

Вторая часть стихотворения указывает на возмездие, которое в скором времени ожидает персонажа: «Будь же проклят!» [Ахматова 2012, с. 134] - Ахматова использует восклицательное предложение, которое в контексте с семантикой краткого причастия «проклят» образует яркую, сильную инвективу. В русском национальном сознании проклятие – одна из самых страшных форм презрения. Поэтому в данном стихотворении условная инвектива служит средством передачи мощного энергетического посыла в адрес лирического героя. Также угроза выражается в экспрессивных повторах предиката «клянусь» и обилием частиц «не» и «ни» перед глаголами, что означает обещание полного отстранения и говорит о невозможности воссоединения бывших влюбленных. В последней строке стихотворения: «Я к тебе никогда не вернусь» [Ахматова 2012, с. 134] используется наречие со значением отрицания возможности примирения. Это вывод, который делает героиня Ахматовой, суровый приговор «злодею», который посмел плохо подумать о ней.

Сам адресат выражен эксплицитно (явно), для его обозначения поэт использует личное местоимение 2л., ед. ч. «ты». Лирическая героиня представлена местоимением 1 л., ед. ч. «я». Такие грамматические формы позволяют автору создать оппозицию «я» - «ты», что помогает читателю почувствовать разобщенность персонажей.

Все эти приемы помогают поэту усилить действие инвективы и тем самым сделать речь героев более эмоциональной и выразительной. Также инвектива придает драматизм сюжету стихотворения, так как в его центре – эмоциональная напряженность отношений героев.

Произведение «Вы меня, как убитого зверя...» повествует о мучениях поэта, который измучен преследованием представителей власти. Особое зна-

чение здесь имеют глагольные формы. Используется будущее время, так как лирическая героиня понимает, чем могут закончиться ее напряженные отношения с правительством.

То, что инвектива обращена именно к правительству, видно из деталей стихотворения. Само обличение звучит так: «Вы меня, как убитого зверя, // На кровавый подымете крюк...» [Ахматова 2012, с. 205]. Идет жесткое сравнение с убитым зверем. В царские времена на всеобщее обозрение выставляли казненных политических преступников, повешенных на площади для устрашения народа. Затравленное и истерзанное мучителями животное, с которым ахматовская героиня сопоставляет себя, ждет похожая участь.

Характерно, что крюк, на который подвешивают несчастного зверя, именно «кровавый» а не окровавленный. Это означает, что он не просто вымазан кровью, а пропитан ею. И такая деталь добавляет трагизм в общую картину произведения.

Грамматическая форма глагола «подымете» относится к просторечной и указывает на происхождение мучителей. Отсюда вопрос: имеют ли право люди, сами являющиеся выходцами из народа, судить себе подобных, решая, кому жить, а кому нет?

Обдумывая это, лирическая героиня представляет дальнейшую судьбу убитого зверя: «Чтоб, хихикая и не веря, // Иностранцы бродили вокруг...» [там же]. Здесь Ахматова тоже использует просторечную форму деепричастия «чихикая» вместо «смеясь» и глагола «бродили» вместо «ходили», что указывает на бессердечие и жестокость врагов. Также приведенные грамматические формы усиливают мощь обличения и помогают в создании сниженного коммуникативного облика адресатов. Оппозиции здесь выражены четко: «я – вы». В тексте также присутствуют формы личных местоимений в винительном падеже («меня») и притяжательного местоимения «мой» (тринадцатый час). На наш взгляд, грамматическое разнообразие словоформ помогает поэту лучше передать весь «спектр» издевательств, который могут испытывать палачи на лирической героине.

В стихотворении говорится, что вывешен убитый зверь (читаем: замученный поэт) будет в людном месте. С возвышения его увидят все иностранцы-туристы, приехавшие в страну, и их реакцией на это «диво» станут заметки «в почтенных газетах». Ахматова намеренно использует эпитеты «почтенных», «несравненный» (дар), чтобы при помощи иронического оттенка этих слов показать, насколько пафосно может выглядеть такой подход к устранению поэтов, неудобных властям. Высокий стиль, который применяется при описании возможных действий иностранцев, тоже добавляет силу инвективе. Цепь обличения можно выстроить следующим образом: «обвинение – результат злодеяния». Чем меньше звеньев в структуре инвективного высказывания, тем жестче обличение.

Метафора «пробил тринадцатый час», завершающая стихотворение, использовалась многими поэтами XX века, в частности, А. Блоком и С. Есениным [Хейт 1991, с. 246-247]. У Анны Ахматовой 13-й час употребляется в ироничном контексте инвективы, символизируя жестокую расправу над художником слова.

Проанализированное нами стихотворение было написано в 1949 году. Через 10 лет Ахматова создает произведение «Анафема», продолжая тему травли поэта. Инвектива представлена здесь через сравнение с историческими личностями: «Как Отрепьева и Пугачева, // Так меня тринадцать лет клятнут. // Неуклонно, тупо и жестоко // И неодолимо, как гранит...» [Ахматова 2012, с. 211]. Адресат, как и во многих стихах поэтессы, явно не выражен, но определяется посредством деталей.

Лирическая героиня замечает, что терпит унижения она уже настолько давно, что впору вставать в один ряд с Григорием Отрепьевым и Емельяном Пугачевым. История знает одного из них как самозванца, другого – как предводителя крестьянского восстания. Оба они были казнены, так и не успев завершить начатых дел.

Представители власти, цензура, запреты, - все это можно назвать обобщенно: «они». Инвектива указывает на собирательный образ адресата, а

не на конкретное лицо. Об этом свидетельствует грамматический аспект текста: предикат «клянут» употреблен в неопределенно-личном предложении в форме 3 лица мн. числа в настоящем времени. Наречия, образующие ряд однородных членов «неуклонно», «тупо», «жестоко» показывают степень постоянства совершаемых злодеями действий. Метафорическое сравнение «неодолимо, как гранит» раскрывает реакцию и самой «жертвы», которая уже приспособилась к такому отношению. Теперь поэтессе не страшны анафемы клеветников, она встречает их с твердым характером и холодным равнодушием, а подчас и вовсе спокойно.

Делом всей жизни поэта можно назвать обличение пороков родной страны, сочувствие и желание помочь своему народу. Поднимая актуальные, злободневные темы, поэт вместе с соотечественниками переживает трудные времена. Власть, которая действительно заботится о своих гражданах, должна прислушиваться к интеллигенции, отражающей народное мнение, и что-то менять, если есть проблемы. Однако зачастую правительство видело в творчестве художников слова лишь призывы к неповиновению, поэтому лирическая героиня замечает: «Это и не старо, и не ново, // Ничего нет сказочного тут» [там же].

Поскольку адресатами инвективы являются клеветники, стоящие у власти и имеющие связи и возможности распускать нелюбезные слухи о поэте, оппозиция будет такой: «я» – «они». Целью обличения выступает намерение героини показать низость и мелочность действий своих врагов, на которых, впрочем, она уже практически не обращает внимания.

Название выбрано Ахматовой не случайно. Оно содержит иронию, направленную на всех недоброжелателей. Последние строки стихотворения служат также для этого: «От Либавы до Владивостока // Грозная анафема гремит» [там же]. Либава – это старое название латвийского города Лиепай. Если провести на карте линию от него до Владивостока, получится 7200 км пути, т.е. внушительная протяженность. Поэтому героиня, давая анафеме эпитет «грозная», не скрывает саркастической усмешки. За тринадцать лет

гонений она многое повидала, следовательно, масштабы территории, по которой распространилась клевета, вызывают у нее лишь легкое презрение.

Таким образом, в произведениях Ахматовой инвектива на грамматическом уровне проявляется достаточно часто. Поэт использует смешение стилей, высокую и просторечную лексику, различные грамматические категории глаголов и деепричастий. Обличения бывают как резкими, так и смягченными отсутствием явного адресата. Нередко инвективную направленность удастся установить по деталям, которые у Ахматовой имеют глубокое значение, передают эмоции и чувства героини, а также вносят целостность и идейную завершенность в произведения. Эти же функции выполняют и инвективы, используемые автором для того, чтобы придать речи героев яркую экспрессивную окраску и внести динамику в развитие сюжета.

2.5. Композиционное выражение инвективы в поэме А. Ахматовой «Реквием» и цикле «Черепки»

В художественном тексте композиционный анализ играет важную роль. Он позволяет выявить ключевые образы-символы, мотивы произведения, а также наиболее точно истолковать замысел автора. Поэма и лирический цикл – жанры, для рассмотрения которых необходим структурный подход, поскольку их части связаны, в первую очередь, композиционно. Поэтому и инвективу мы рассмотрим с точки зрения построения стихотворных произведений.

Поэма «Реквием» создавалась Ахматовой постепенно: основные части были написаны в период с 1935 по 1940-е годы. Эпиграф был добавлен значительно позже, в 1961 году [Хейт 1991, с. 48-49].

Семантика слова «реквием» имеет, согласно словарю Д.Н. Ушакова, следующее значение: «Реквием – 1) в католической церкви – заупокойная служба по умершему; 2) музыкальное произведение траурного характера» [Ушаков 2005, с. 900]. Ахматова не случайно дает такое название. Сама по-

этесса однажды так высказалась о своем творении: «Это 14 молитв» [Хализев 1999, с. 84]. Действительно, «Реквием» для русского читателя – это, в первую очередь, скорбь по всем безвинно уничтоженным и морально раздавленным гражданам нашей страны. Произведение отражает общее народное горе.

Построена поэма следующим образом: эпитафия, затем – короткая глава «Вместо предисловия», «Посвящение», «Вступление» и основная часть, включающая 10 глав.

«Нет, и не под чуждым небосводом, // И не под защитой чуждых крыл, -
// Я была тогда с моим народом, // Там, где мой народ, к несчастью, был» [Ахматова 2012, с. 287]. С этих строк начинается произведение. Инвектива выражена имплицитно. Она похожа на вызов, который адресуется всем, кто может помыслить о том, что поэт способен предать свою Родину и, оставив своих соотечественников на произвол жестокой судьбы, пережить в прекрасном далёко, пока все стихнет. Основной здесь является оппозиция прилагательных «мой» (народ) – «чуждый» (небосвод).

Следующая часть поэмы «Вместо предисловия» написана в прозаической форме и носит характер повествования. В ней приведены факты из судьбы самой А. Ахматовой, а также всех женщин: матерей, жен, которым пришлось провести 17 месяцев в тюремных очередях в Ленинграде. Инвектива обращена здесь к власти, во времена «страшной ежовщины». Прямой оппозиции в данной части поэмы нет, но есть указание на следствие «ежовских» действий – описание облика женщины, обратившейся к лирической героине: «...что-то вроде улыбки скользнуло по тому, что некогда было ее лицом» [там же]. Неопределенные указательные местоимения (что-то, по тому, что...) и сравнительный оборот (что-то вроде улыбки) говорят о степени крайнего измождения людей, часами стоявших под стенами ленинградской тюрьмы. Их жизнь проходила словно в оцепенении, боязни за судьбу близких.

«Посвящение» представляет собой 25 строк, пронизанных отчаянием и болью перенесенных страданий. Инвектива скрыта, конкретного адресата нет. Из контекста всей главы понятно, что горечь и гнев героини обращены к существующей в 30-е годы судебной системе, суровые законы которой не щадили ни самих заключенных, ни их родных: «Приговор... // И сразу слезы хлынут, // Ото всех уже отделена, // Словно с болью жизнь из сердца вынут, // Словно грубо навзничь опрокинут, // Но идет... Шатается... Одна...» [там же, с. 288]. Предложения короткие, отрывистые. Обилие глаголов с отрицательной коннотацией: «хлынут» (слезы), «вынут» (жизнь), «опрокинут» (навзничь) и относящихся к ним существительных с негативным значением передают мучения женщины. Страдания усиливают осознание безысходности и обреченности.

«Вступление» включает в себя знаменитые строки: «Звезды смерти стояли над нами, // И безвинная корчилась Русь // Под кровавыми сапогами // И под шинами черных марусь» [там же, с. 289]. (В энциклопедиях «марусей» называется черный легковой автомобиль серии М-1 для перевозки заключенных. В народе получил прозвище «эмка», отсюда жаргонное «маруся»). Обличение направлено на власть, хоть и не выражено явно, а передано через детали. Под натиском палачей из НКВД людям казалось, что даже само наступление ночи и появление звезд символизирует страдания, кровь и смертные муки.

Основная часть поэмы состоит из 10 стихотворений, написанных разными размерами: трехстопным анапестом, пятистопным ямбом и другими. Посредством рифмовки автор передает разнообразные ритмические оттенки. Последовательно показан переход из одного душевного состояния героини в другое. Так, вначале трагедия, произошедшая с сыном, вызывает горечь, замешательство, попытки разобраться в случившемся: «Все перепуталось навек, // И мне не разобрать // Теперь, кто зверь, кто человек, // И долго ль казни ждать... // Что случилось, не пойму» [там же, с. 291]. Позже героиня осознает факт ареста сына более осмысленно, она спокойно обращается к

смерти, как к неизбежной участи: «Ты все равно придешь. Зачем же не теперь? // Я жду тебя. Мне очень трудно. // Я потушила свет и отворила дверь // Тебе, такой простой и чудной» [там же, с. 292]. Единственный способ для женщины избавиться от страданий – покинуть эту, полную лишений, жизнь. В конце поэмы появляются библейские мотивы: «Магдалина билась и рыдала, // Ученик любимый каменел, // А туда, где молча Мать стояла, // Так никто взглянуть и не посмел» [там же, с. 294]. Оппозициями здесь являются образы Магдалины и Матери, чье молчаливое горе страшнее криков и рыданий.

В «Эпilogue» Ахматова, как и во вступительных частях «Реквиема», говорит от лица поэта, который обращается к своему народу, к подругам по несчастью с просьбой помянуть ее, когда придет время: «И если зажмут мой измученный рот, // Которым кричит стомиллионный народ, // Пусть так же они поминают меня // В канун моего поминального дня» [там же, с. 295]. Это обращение содержит отсылку к власти, которая может в любой момент лишить поэта права голоса, что означает гибель.

Инвектива в «Реквиеме» во многих случаях скрыта, четкого адресата нет. Прямых обращений тоже немного, гневный пафос поэмы создают фактологические формы высказывания и горькая ирония. Однако из контекста произведения и его композиционной структуры ясна направленность обличения. С помощью кольцевой композиции поэмы автор передает идею безысходности, замкнутого круга в судьбе современниц лирической героини, который не разорвется до тех пор, пока в стране царит тоталитаризм.

Речевая инвектива присутствует и в небольшом стихотворном цикле «Черепки», который, как и поэма «Реквием», отражает разбитую, изломанную судьбу не только поэта, но и многих русских людей, живших в 30-е годы. Поэтому можно сказать, что уже в самом названии заложено инвективное начало, обращенное как к представителям власти, так и к укладу жизни в целом. Цикл насчитывает 5 стихотворений, каждое из которых по-своему раскрывает тяготы жизни. Эпиграфом к «Черепкам» служит фраза из романа Д.

Джойса «Улисс», на русском звучащая как «Ты не осиротишь мать свою» [Хейт 1991, с. 64].

С точки зрения композиции Ахматова выбирает такой эпиграф не случайно. Д. Джойс в своем произведении использует принцип «телесного зеркала», который становится основой построения текста. Суть этого принципа в задании определенной модели мира в художественной литературе, связанной с проблемами бытия, попыткой героев переосмыслить свое прошлое и дать оценку настоящему. Также у Джойса часто рассматривается и мотив «невстречи», столь близкий Ахматовой [там же, с. 70].

Первое стихотворение цикла «Черепки» рассказывает о мучениях женщины-матери: «Мне, лишенной огня и воды, // Разлученной с единственным сыном... // На позорном помосте беды // Как под тронным стою балдахином...» [Ахматова 2012, с. 227]. Обличение выявляется в каждой строке в виде горькой иронии лирической героини. Здесь нет обращения к виновникам случившегося, поэтому конкретный адресат отсутствует. Как и в названии, он выражен латентно (скрыто) и определяется, исходя из контекста всего произведения. Целью героини является эмоциональное выражение, анализ своего существования. Многоточия, оканчивающие строки, указывают на неторопливое размышление героини о собственной участи. Все это она обдумывает не впервые, поэтому в тексте много существительных, придающих ему фактологический характер. Стремления кого-либо наказать также нет.

Метафора «позорный помост беды» и сравнение «как под тронным балдахинном» указывают на положение поэта в современном ему обществе. Создается контекстная антитеза: помост – это площадка или возвышение [Ожегов, Шведова 2006, с. 734], видные всем. Место под троном темное и неприметное, и находиться там, надо полагать, - малопочетно. Страдательные причастия «лишенной» и «разлученной» тоже указывают на обделенность героини, в которой повинна эпоха. Учитывая, что огонь и вода – средства, без которых человек не может жить, героиня обречена на гибель. Прямых оппозиций не наблюдается, косвенную можно выделить так: «я (мне) –

вы (вам)» или «я – они». Вторые звенья представлены условно и выводятся, как и сам адресат, из контекста стихотворения.

Очередное произведение цикла «Черепки» строится следующим образом: вначале идет факт, выраженный числовым значением: «Семь тысяч и три километра...», затем следствие такого, слишком большого расстояния для героев: «Не услышишь, как мать зовет». Лексические повторы «в грозном вое полярного ветра, // В тесноте обступивших невзгод» указывают на тяжелое положение, в котором находится сын лирической героини, передают ее тревогу.

Вторая часть произведения отражает отчаяние матери, не имеющей возможности помочь своему ребенку, оказавшемуся в беде. С этой целью Ахматова использует экспрессивные повторы местоимения 2 л. ед. ч. «ты». Эффект душевной боли усиливают тире, которые служат для создания интонационных пауз и разрывают фразы на отдельные смысловые части: «Там дичаешь, звереешь – ты, милый! – // Ты последний и первый, ты – наш» [Ахматова 2012, с. 227]. Восклицательное предложение также добавляет в речь женщины экспрессии, имитируя наполненный горечью крик.

Композиционная структура стихотворения включает в себя обилие предикатов «не услышишь», «зовет», «дичаешь», «звереешь», «бродит» (весна над могилой), что придает тексту инвективную направленность. Адресатом, как и во всем цикле, является власть. И, хотя явного указания на конкретное лицо нет, из деталей и контекста произведения понятно, к кому обращено обличение. Главным врагом ахматовской героини является расстояние, неизвестность, трагическая судьба ее единственного сына. А за всеми бедами стоит суровый политический режим, равнодушный к страданиям людей. Поэтому цепь инвективы будет выглядеть так: «факт «злодеяния» – «его результат».

Цель адресанта – воззвать к совести палачей, разрушивших семью. Ее образ здесь представлен собирательно, поскольку стихотворение описывает не личную драму одного человека, а трагедию миллионов советских граждан,

подвергшимся репрессиям. Героиня не стремится кому-либо отомстить или наказать обидчиков, она выражает свои чувства. Ряд однородных определений, относящихся к ее сыну: «последний», «первый», «наш» показывает силу трепетной любви матери.

Завершается стихотворение метафорой: «Над моей ленинградской могилой // Равнодушная бродит весна». В русской культуре весна – позитивное время года, которое ассоциируется с пробуждением всего живого после зимы, с любовью и жаждой к новым свершениям. Строки созвучны с пушкинскими: «И пусть у гробового входа // Младая будет жизнь играть // И равнодушная природа // Красною вечною сиять» [Хализев 1999, с. 25].

Только настроение у Ахматовой создается не возвышенное и торжественное, а, скорее, апатичное. Не прослеживается никакой радости, расцвет природы не волнует лирическую героиню. Для нее жизнь потеряла смысл, и свое существование женщина поддерживает исключительно ради сына: «ты – наш».

Третье стихотворение цикла «Черепки» продолжает тему материнских чувств. Первые строки содержат размышления героини о случившемся: «Вот и dospорился, яростный спорщик // До енисейских равнин...» [Ахматова 2012, с. 227]. Речь идет о ссылке в Западную Сибирь с суровым северным климатом. В раздумьях слышится горечь от невозможности что-либо изменить.

Инвективных высказывания здесь два. Одно из них обращено к сыну лирической героини, которого она называет яростным спорщиком, указывая на результат его действий – dospорился до ссылки. Это обличение не преследует цель обвинить персонажа. Как мать героиня сочувствует сыну и знает, что он и сам не рад такой участи. Гнев проявляется в дальнейших строках стихотворения и распространяется уже на тюремщиков: «Вам он бродяга, шуан, заговорщик, // Мне он – единственный сын» [там же]. Авторское тире, как и в предыдущем стихотворении, служит средством паузы в речи героини, акцентируя боль за жизнь и судьбу родного человека.

Четкая оппозиция «я – вы» (в дательном падеже: «мне – вам») используется Ахматовой, чтобы показать расхождение взглядов адресанта и адресата. Это идейное противопоставление является основным композиционным приемом стихотворения. Группы понятий, характеризующие персонажа, также антонимичны друг другу. С одной стороны: бродяга, шуан (контрреволюционер), заговорщик, с другой – единственный сын. Отсюда видно, что адресат, в роли которого выступает власть, руководствуется казенными, политическими соображениями, а лирическая героиня – любовью матери. Главное, чтобы ее ребенок находился в безопасности и был счастлив, а остальное не имеет особого значения.

Стихотворение «Кому и когда говорила...» предваряется эпиграфом из «Дознания» испанского поэта Леона Фелипе: «И кто-то приказал мне: // – Говори! Припомни все...» [Ахматова 2012, с. 228]. Анне Ахматовой были близки его взгляды, в том числе отношение к жизни. Собственное существование Фелипе считал случайностью и мелочью, о жизни говорил с оттенком легкого и спокойного презрения, как и сама поэтесса в 30-е годы.

Четвертое произведение из цикла «Черепки» рассказывает о нелегкой судьбе поэта, у которого уже давно не происходит ничего хорошего: «...каторга сына сгноила, // ... Музу засекли мою» [там же]. Перечисление своих несчастий лирическая героиня завершает инвективным выводом: «Я всех на земле виноватей, // Кто был и кто будет, кто есть...» [там же]. Несмотря на присутствие во фразе личного местоимения 1 лица «я», обличение ахматовская героиня бросает не самой себе. Ирония, переходящая в сарказм, используется для придания высказыванию большей резкости. Адресат явно не выражен. По формам глаголов (мн.ч.), употребляемых А. Ахматовой, можно проследить, что речь идет либо о нескольких виноватых, либо же тут допускается обобщенная трактовка инвективы: «они», без конкретных указаний на личности. Поэтому оппозиционные отношения сторон уместно представить как «я – они».

Каторгой называется тяжелая работа, но «сгноил» сына героини не непосильный труд сам по себе, а люди, принудившие к нему персонажа. Получается, что в конечном итоге адресатами гневного выпада являются те же душегубы, которые «засекли» поэтическую Музу. Самого же поэта они просто могут отправить «валяться» в сумасшедший дом, исходя из контекста стихотворения. Предугадать, что будет поведано обществу о таком человеке, несложно; ведь власти неугоден поэт, свободно говорящий все, что думает.

И лирическая героиня иронично заявляет, что оказаться там для нее – «великая честь», тем самым снова обличает своих мучителей, показывая их пренебрежительное отношение к ремеслу художников слова.

Отсюда очевидно, что эпитафия также выполняет инвективную функцию и адресован тем, кто заставляет поэта говорить против его воли. На наш взгляд, наиболее полно инвектива раскрывается в стихотворении при кольцевом восприятии его композиции. Так, смысловая конкретика начинается с 3-й строки, в которой идет экспрессивное перечисление злодеяний, нанесенных героине. Далее следует удвоенная инвектива в адрес людей, причинивших вред как лирической героине, так и ее сыну. Кратко обозначим оба проявления инвективности: 1) указание на действия мучителей; 2) проекция на то, что еще они могут сделать с поэтессой, если она будет продолжать мужественно рассказывать суровую правду, не выгодную власти. В совокупности с эпитафией итог истолковывается так: даже если приказывают ничего не утаивать, безопаснее поменьше говорить людям о своей жизни.

Заключительное произведение «Черепков» А. Ахматовой называется «И вовсе я не пророчица» (по первой строке). Оно является своеобразным ответом на возможный вопрос о ее жизни. Из предыдущего стихотворения читатель узнал, что может случиться с поэтом, который неосторожно рассказывает людям о своей непростой судьбе.

Продолжая тему поэта и поэзии, лирическая героиня замечает: «Жизнь светла, как горный ручей, // А просто мне петь не хочется // Под звон тюремных ключей» [там же]. Горный ручей – место, где течет кристально чистая

вода, идеально подходящая для питья. В жизни же не бывает все только гладко, и потому сравнение приобретает иронический смысл. Наречие «просто» используется для создания нарочитой небрежности, т.к. перед ним стоит противительный союз «а».

Голос является главным инструментом поэта. Лишаясь его, он теряет возможность быть услышанным. «Звон тюремных ключей» - музыка явно не подходящая для художника слова. Поэтому лирическая героиня придерживается позиции: в таких условиях писать не могу. Когда нет свободы и средств к существованию, сама жизнь не в радость, не то, что творчество.

Прямой инвективы здесь нет. Фраза: «...петь не хочется под звук тюремных ключей» носит метафорический характер и обличает лишь косвенно тех, из-за кого поэтессе приходится слышать этот звук. То есть отсылка снова к политическому режиму 30-х годов. Представители власти являются латентными адресатами приведенной выше метафоры. Адресантом выступает поэт – лирическая героиня, для которой жизнь превратилась в пытку. Экспрессии не наблюдается, поэтому само обличение выражено слабо и используется в тексте больше как средство выразительности наравне с метафорами, иронией и сравнением.

Таким образом, лирический цикл «Черепки» представляет собой собрание стихотворений, в которых присутствует ролевая инвектива. В основном она направлена на власть, хотя выражается зачастую скрыто, через детали описаний либо метафоры. Чувства, переживаемые лирической героиней, испытала сама Ахматова, поэтому они носят автобиографичный характер.

Построены «Черепки» по типу дневниковых записей (такие же короткие и на первый взгляд не связанные между собой тексты). Однако это не просто наброски или отрывки различных мотивов, а вполне цельная композиционная структура.

Так, в первом стихотворении раскрывается тема страданий женщины-матери, которую разлучили с единственным сыном, а ее саму подвергли лишениям. На этой стадии героиня только начинает осознавать свое положение,

фразы показывают раздумья и замешательство. Второе стихотворение продолжает ту же тему, но образ лирической героини меняется: она пытается сопротивляться, ей тяжело смириться с арестом сына, отсюда экспрессия, мало характерная для творчества Ахматовой. В третьем произведении показана стадия принятия (хоть и не окончательного) того, что произошло. Лирическая героиня уже пробует с некоторой горечью иронизировать над поступком сына, не переставая при этом стоять на его стороне. Тон повествования уже более ровный, восприятие реальности спокойнее, чем в предыдущем стихотворении.

Два последних стихотворения цикла посвящены теме творчества и отражают положение поэта в годы тоталитаризма. Одно произведение перетекает в другое, показывая, что реализуется страшный поэтический кошмар – молчание. Потому что говорить, как чувствуется и хочется, нельзя, а по-другому истинный художник слова не умеет. А лишить поэта свободы выражения, значит, изъять у него право голоса, что ведет за собой гибель.

В эпилоге к «Реквиему» А. Ахматова писала: «И если зажмут мой измученный рот, // Которым кричит стомиллионный народ, // Пусть так же они поминают меня // В канун моего поминального дня» [Ахматова 2012, с. 295]. Поэт, говорящий правду от имени народа, опасен для власти, как и вся интеллигенция, которая, по мнению правительства, мыслит слишком свободолюбиво. Поэтому с создателями и любителями искусства зачастую обращались жестко, что не могло не породить у тех инвективу.

Анна Ахматова не стала исключением. Сами произведения, в которых имеются инвективные высказывания, приобретают особую яркость, чувствительность и образность. Речь персонажей также становится более выразительной и реалистичной, а потому понятной и доступной читателю.

Итак, рассмотрев ахматовскую инвективу на композиционном уровне, мы выявили следующее. Обличения в стихотворениях переданы через такие аспекты композиции, как: 1) расстановка персонажей; 2) особенности сюжетных связей (например, цикл «Черепки»); 3) монтаж деталей: построение

речи персонажей, монологичность, разнообразие ритма и сочетание стихотворных размеров (в поэме «Реквием» и т.д.).

Как и предыдущие проанализированные нами языковые уровни (грамматический, синтаксический и лексико-семантический), уровень композиции помогает автору передать обличительную направленность на адресата. Чаще всего в роли последнего выступает власть, имплицитно (скрыто) выраженная и выводимая из контекста через детали и образы. Опорная информация, заключенная в концептах стихотворений, пополняет ассоциативный ряд читателя и способствует целостному пониманию текста произведения. Раскрывает авторский замысел и оживляет сюжет произведения инвективный подтекст, который проявляется на всех рассмотренных нами уровнях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В работе рассмотрены особенности инвективных высказываний как в лингвистике, так и в художественном тексте на материале поэзии Ахматовой. Стихотворения проанализированы нами в синтаксическом, лексико-семантическом, грамматическом и композиционном аспектах. Материалом послужили произведения из сборника «Бег времени», пропущенного цензурой лишь в 1965 году из-за того, что многие из них имеют политический подтекст. Также нами рассмотрена поэма «Реквием», отразившая судьбы людей 30-х годов.

Выявлено, что инвектива – это гневная обличительная речь, направленная на конкретное лицо или группу лиц. Чаще всего обличительное высказывание составляет обценная, грубая или вульгарная лексика. В художественных произведениях авторы часто используют инвективу в качестве дополнительного изобразительно-выразительного языкового средства, чтобы сделать текст более экспрессивным. Еще одна функция речевой инвективы – придание образности и выразительности речи героев. Основные признаки, позволяющие выделить это коммуникативно-лингвистическое явление в тексте: 1) гневный пафос; 2) наличие адресата (явного или скрытого); 3) амплификация.

Структуру инвективного речевого акта можно представить следующим образом: «говорящий – сообщение – адресат». Важно, инвективным можно назвать тот речевой акт, в котором у говорящего должно присутствовать намерение обличить своего оппонента в каком-либо действии, а у слушающего – соответствующее восприятие. В художественном тексте конфликт разворачивается исключительно в пространстве произведения, поэтому в этом случае инвектива направлена не на читателя, а на героев.

Поскольку текст – это письменная речь, основные коммуникативные законы в нем действуют аналогично устной. С помощью стилистических приемов письменная речь компенсирует отсутствие тембра голоса, тона и то-

нальности, которые есть в устной речи. Также на письме можно определить грамматические категории, посредством которых и создаются обличительные высказывания.

В стихотворениях А. Ахматовой «Не мешай мне жить – и так не сладко», «И яростным вином блудодеянья», «Защитники Сталина» и «Зачем вы отравили воду...» на лексико-семантическом уровне, выявлено, что словарный состав произведений обценной лексики не содержит. Инвектива выражается чаще всего гневными вопросами-выпадами, амплификация отсутствует. Присутствуют как личная, так и обобщенная формы высказывания. Субъектно-объектные отношения построены на оппозициях «ты – вы», «я – мы», «мы – вы». Гневный пафос передается через различные изобразительно-выразительные средства языка как на лексическом, так и на синтаксическом уровнях через сравнения, эпитеты, метафоры, риторические вопросы, анафоры и ряды однородных членов предложения.

Стихотворение «А, тебе еще мало по-русски» содержит инвективу, которой присущи как собственно речевые признаки (гневный пафос, явно выраженный адресат, субъектно-объектные отношения «ты-мы»), так и литературно-художественные особенности (образность, повышенная эмоциональность адресанта, построенная на контрасте). Лексика характерна смешанная, преобладает книжная.

Установлено, что на синтаксическом уровне инвектива у А. Ахматовой выражается чаще всего через 1) противопоставление («ночь – день»); 2) конструкции с использованием неопределенных глагольных форм, обезличивающих действия героев («целовать», «не узнавать» и т.д.); 3) инверсии, указывающие на противоречия в отношениях героев и их неоправданные ожидания; 4) анафорические повторы («За то, что мир жесток и груб, // За то, что Бог не спас»); 5) сравнения («как преступница») и 6) сложные распространенные предложения с рядом зависимых дополнений («...пью // За ложь меня предавших уст, // За мертвый холод глаз...»). Все эти приемы придают до-

полнительную выразительность языку ахматовских произведений и усиливают инвективную направленность художественного текста.

На грамматическом уровне обличения в поэзии А. Ахматовой проявляются достаточно часто. Поэт использует смешение стилей, высокую и просторечную лексику, различные грамматические категории глаголов и деепричастий. Обличения бывают как резкими, так и смягченными отсутствием явного адресата. Нередко инвективную направленность удастся установить по деталям, которые у Ахматовой имеют глубокое значение, передают эмоции и чувства героини, а также вносят целостность и идейную завершенность в произведения.

Рассмотрев ахматовскую инвективу на композиционном уровне, мы выявили следующее. Обличения в стихотворениях переданы через такие аспекты композиции, как: 1) расстановка персонажей; 2) особенности сюжетных связей (например, цикл «Черепки»); 3) монтаж деталей: построение речи персонажей, монологичность, разнообразие ритма и сочетание стихотворных размеров (в поэме «Реквием» и т.д.).

В некоторых случаях отмечается использование ролевой инвективы, когда автор обращается к адресату не лично от себя, а через образы персонажей. Ролевым можно считать высказывание, произнесенное от 1 л. ед. ч. «я» или подразумевающее наличие такого местоимения, как наиболее близкое автору. Лирический цикл «Черепки» представляет собой собрание стихотворений, в которых присутствует ролевая инвектива. В основном она направлена на власть, хотя выражается зачастую скрыто, через детали описаний либо метафоры. Чувства, переживаемые лирической героиней, испытала сама Ахматова, поэтому они носят автобиографичный характер.

Установлено, что отдельные стихотворения А. Ахматовой важно рассматривать в контексте всего творчества поэта, а также с учетом времени их написания, поскольку инвектива у А. Ахматовой часто выводится именно через контекстуальные детали и сквозные образы-символы. Например, образ художника слова в произведениях 30-х годов («Черепки», «И вовсе я не про-

рочица», «Зачем вы отравили воду» и т.д.). Обличения находят свое развитие при последовательном переходе из одного текста в другой, большое значение имеет и фоновая информация, данная в стихотворениях. Концепты, на которых она строится, отражают жизнь людей эпохи, описанной в произведении. В поэме «Реквием» такими концептами являются черные «маруси», «звезды смерти», символизирующие репрессии и режим «несвободы». По концептуальным значениям и контексту стихотворений читатель выводит скрытые инвективные послы в творчестве А. Ахматовой.

Выявлено, что уровень композиции, как и остальные рассмотренные уровни, помогает автору передать обличительную направленность на адресата. Чаще всего в роли последнего выступает власть, имплицитно (скрыто) выраженная и выводимая из контекста через детали и образы. Опорная информация, заключенная в концептах стихотворений, пополняет ассоциативный ряд читателя и способствует целостному пониманию текста произведения. На всех рассмотренных нами уровнях проявляется речевая инвектива, выступающая в текстах в разной последовательности и в различных объемах. Она вносит экспрессию в речь героев и помогает автору в раскрытии идейного содержания произведений, делая сюжет наиболее динамичным и ярким.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акопджанян, Е. С. Художественная агрессия [Текст] / Е. С. Акопджанян // АН Армении, ин-т философии и права : Изд-во АН Армении, 1991. – Ереван. – 160 с.
2. Анненкова, Н. А. Сатира и инвектива в поэзии М. Ю. Лермонтова : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 25.01.04 / Самарский гос. ун-т. – Самара, 2004. – 11 с.
3. Анненкова, Н. А. «Маскарад» и «Арбенин» М. Ю. Лермонтова. К вопросу о функционировании сатиры и инвективы в крупной форме [Текст] / Н. А. Анненкова // Вестник Оренбургского государственного университета: сборник науч. ст. – Оренбург: Изд-во ОГУ, 2006. – №11. – С. 36-38.
4. Анненкова, Н. А. Место сатиры и инвективы в системе лирических жанров М. Ю. Лермонтова [Текст] / Н. А. Анненкова // Вестник Оренбургского государственного университета: сборник науч. ст. – Оренбург: Изд-во ОГУ, 2009. - №11(105). – С. 17-19.
5. Апресян, Ю. Д. Теоретические проблемы русского синтаксиса: Взаимодействие грамматики и словаря [Текст] / Ю. Д. Апресян, И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин, В. З. Санников. Отв. ред. Ю. Д. Апресян. – М.: Языки славянских культур, 2010. – 408 с.
6. Арутюнова, Н. Д. Фактор адресата [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Серия литературы и языка. – 1981. – №4 (т. 40). – С. 356-367.
7. Ахматова, А. А. Великие поэты мира : поэзия [Текст] / А. А. Ахматова. – М. : Эскмо, 2012. – 352 с.
8. Ахматова, А. А. Малое собрание сочинений [Текст] / А. А. Ахматова. – М. : Азбука, 2012. – 624 с.
9. Баранов, А. Г. Когниотипичность текста. К проблеме уровней абстракции текстовой деятельности [Текст] / А. Г. Баранов // Жанры речи. – 1997. – Вып. 1. – С. 4.

10. Баранов, А. Г. Прагматика как методологическая перспектива языка [Текст] / А. Г. Баранов. – Краснодар : Просвещение-Юг, 2008. – 188 с.
11. Бахтин, М. М. Полное собр. соч. : в 7 т. Т. 5. : Работы 1940-1960 гг. : Проблема речевых жанров [Текст] / М. М. Бахтин. – М. : Русские словари, 1996. – С. 159-206.
12. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества [Текст] / сост. С. Г. Бочаров, примеч. С. С. Аверинцев, С. Г. Бочаров / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 423 с.
13. Библия. Книги священного писания ветхого и нового завета: канонические [Текст] — М, 1994. — 298 с.
14. Боас, Ф. Происхождение тотемизма [Текст] / Ф. Боас // Антология исследований культуры. Отражения культуры / сост. Л. А. Мостова. Спб. : Центр гуманитарных инициатив, 2011. С. 303-312.
15. Болотнова, Н. С. Филологический анализ текста: учеб. пособие [Текст] / Н. С. Болотнова. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Флинта : Наука, 2007. – 520 с.
16. Борухович, В. Г. Квинт Гораций Флакк [Текст] / В. Г. Борухович. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1993. - 375 с.
17. Бралина, Г. М. Жанр инвективы в русской лирике середины XIX в. : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 6.11.08 / Оренбургский гос. ун-т. – Самара, 2008. – 41 с.
18. Бралина, Г. М. Особенности композиции жанра русской инвективы середины XIX в. [Текст] / Г. М. Бралина // Вестник Оренбургского государственного университета: сборник науч. ст. – Оренбург: Изд-во ОГУ, 2007. - №77. – С. 44-48.
19. Бринев, К. И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза : монография [Текст] / К. И. Бринев; под ред. Н. Д. Голева. – Барнаул : АлтГПА, 2009. – 252 с.

20. Бринев, К. И. Реклама в парадигме инвективности [Текст] / К. И. Бринев // Юрислингвистика: русский язык и современное российское право. – 2007. - №8. – С. 276-278.
21. Булаховский, Л. А. Курс русского литературного языка [Текст] /Л. А. Булаховский. - В 2-х т. Т.1. - 5-е изд., перераб. - К. : Радянська школа, 1952. – 448 с.
22. Булыгина, Е. Ю., Лаппо, М. А., Трипольская, Т. А. Признаки экстремистского текста: квалификация «конфликтоопасных» языковых средств и авторских приемов [Текст] / Е. Ю. Булыгина, М. А. Лаппо, Т. А. Трипольская // Юрислингвистика: истина в языке и праве. – 2008. - №8. – С. 113-125.
23. Буранок, Н. А. История зарубежной литературы: античная литература [Текст] / Н. А. Буранок. - Учебно-методическое пособие. – Поволжск. гос. соц.-гум. академия. - Самара : ООО «Издательство Ас Гард», 2012. - 258 с.
24. Вахитова, Д. К. Об определении понятия «инвективная лексика» [Текст] / Д. К. Вахитова // Научный Татарстан: сб. науч. ст. – Казань: Изд-во КГУ, 2012. - №3. – С. 154-162.
25. Вежбицка, А. Речевые жанры [Текст] / Пер. В. В. Дементьева // Жанры речи. – М., 1997. – Вып. 1. – С. 99.
26. Вежбицка, А. Семантические универсалии и описание языков [Текст] / А. Вежбицка. – М., 1971. – С. 299-322.
27. Виноградов, В. В. О теории художественной речи [Текст] / В. В. Виноградов. – М. : Высшая школа, 2005. – 287 с.
28. Выгузова, Н. Ю., Хатунцева, О. А. Структура инвективно-коммуникативного поведения личности [Текст] / Н. Ю. Выгузова, О. А. Хатунцева // Психология: аспекты теории и практики. – М., 2012. -№11 (045). – С. 362-366.
29. Галяшина Е., Горбаневский М., Стернин И. Лингвистические признаки диффамации в теории и практике судебных лингвистических экс-

пертиз [Текст] / Е. Галяшина, М. Горбаневский, И. Стернин // Взгляд, 2005. - №1. - С. 24-40.

30. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического анализа [Текст] / И. Р. Гальперин. – М.: Наука, 1974. – 138 с.

31. Голев, Н. Д. Письменная коммуникация нашего времени: основные векторы развития [Текст] / Н. Д. Голев // Вестник Томского государственного университета: сб. науч. ст. – Томск: Изд-во ТГУ, 2012. - №2(18). – С. 5-17.

32. Голев, Н. Д., Лебедева, Н. Б. Речевой жанр ссоры и конфликтные сценарии в рассказах В.М. Шукшина [Текст] / Н. Д. Голев, Н. Б. Лебедева // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии: межвузовский сборник науч. ст. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2000. - №2. – С. 158-171.

33. Гораций, К. Ф. Послания [Текст] / Пер. М. Гаспарова. – М. : Лит-Рес, 2015. – 60 с.

34. Грайс, П., Лич, Дж. Основные принципы речевой коммуникации [Электронный ресурс] / П. Грайс, Дж. Лич. – Режим доступа: http://studopedia.ru/1_82801_printsipi-germana-pola-graysa-i-dzhordzha-licha.html. Дата обращения: 23.05.2017.

35. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч.1, гл. VIII от 30 ноября 1994 г. №51-ФЗ (ред. от 28.03.2017, с изменениями от 02.07.2013.) [Текст] / Защита чести, достоинства и деловой репутации // Собрание законодательства РФ. – 2017. – Ст. 152.

36. Дементьев, В. В. Теория речевых жанров (коммуникативный аспект) [Текст] / под ред. М. М. Гиршмана, М. Н. Дарвина и др. / В. В. Дементьев. – М. : Знак, 2010. – 600 с.

37. Дементьев, В. В. Фатические и информативные коммуникативные замыслы и коммуникативные интенции: проблемы коммуникативной компетенции и типология речевых жанров [Текст] / В. В. Дементьев // Жанры речи. – 1997. – Вып. 1. – С. 34.

38. Эйгер, Г. В., Юхт, В. Л. К построению типологии текстов [Текст] / Г. В. Эйгер, В. Л. Юхт // Лингвистика текста : Материалы научной конференции при МГПИИЯ им. М. Тореца. Ч. I. – М., 1974. – С. 103–110.
39. Жанры речи: сб. науч. ст. [Текст] // – Вып. 1. – Саратов : Изд-во Государственного учебно-научного центра «Колледж», 1997. – С. 4-99.
40. Жельвис, В. И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема [Текст] / В. И. Жельвис. – 2-е изд. доп. – М. : Ладомир, 2001. – 349 с.
41. Жинкин, Н. И. Язык - речь - творчество. Избранные труды [Текст] / Н. И. Жинкин. - М. : Лабиринт, 1998. — 368 с.
42. Заворотищева, Н. С. Инвективы в современной разговорной речи (на материале пиренейского национального варианта испанского языка и американского национального варианта английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Московский педагогич. гос. ун-т. – М., 2010. – 40 с.
43. Земская, Е. А. Ермакова, О. П. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) [Текст] / Е. А. Земская, О. П. Ермакова // Русский язык и его функционирование: коммуникативно-прагматический аспект. М. : Наука, 1993. - С. 90-157.
44. Золотаренко, Т. А. Уровни инвективной сущности [Текст] / Т. А. Золотаренко // Вестник Волгогр. гос. ун-та : сер. 2. Языкозн., 2013. -№1(17). – С. 142-145.
45. Илычева, Ю. А. Речевое манипулирование в политическом тексте [Текст] / Ю. А. Илычева // Вестник Санкт-Петербургского ун-та : Сер. 9, Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2007. - №4. – С. 172-185.
46. История зарубежной литературы XIX века [Текст] / под ред. Соловьевой Н. А. - М. : Высшая школа, 1991. — 637 с.
47. Исютин-Федотков, Д. В. Некоторые аспекты тенденции неологизации языка криминалистики [Текст] / Д. В. Исютин-Федотков // Юрислингвистика: русский язык и современное российское право. – 2007. - №8. – С. 121-123.

48. Каменская, О. Г., Кан, Р. А. и др. Русский язык и культура речи [Текст] / О. Г. Каменская, Р. А. Кан, Е. Т. Стрекалова, М. Н. Запорожец. - Учеб. пособие. — Тольятти: Изд-во Тольяттинского гос. ун-та, 2005. — 100 с.
49. Кириллова, Л. Е. Понятие дискурса и процедура лингвистического экспертного исследования [Текст] / Л. Е. Кириллова // Юрислингвистика: русский язык и современное российское право. – 2007. - №8. – С. 230-236.
50. «Комсомольская правда», вып. от 7 февр. 2001 [Электронный ресурс] / Сергей Доренко: «Чтобы я уволился с ОРТ? Не дождетесь!». – Режим доступа: <https://www.samara.kp.ru/daily/22487/7447/>. Дата обращения: 23.05.2017.
51. Краковяк, А. С. Инвектива как литературный жанр: проблемы структуры и генезиса (на материале русской и польской поэзии XIX-XX вв.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 20.01.10 / Санкт-Петербургский гос. ун-т. – Спб, 2010. – 19 с.
52. Краковяк, А. С. Инвектива как лирический жанр: семантическая структура (на материале русской и польской поэзии XIX-XX вв.) [Текст] / А. С. Краковяк // Русская литература XVIII-XXI вв. Диалог идей и эстетических концепций: материалы международной научной конференции (Лодзь, Польша. – 2010) – Спб. : Изд-во СПбГУ, 2011. - №5. – С. 1-21.
53. Краковяк, А. С. Архетипы сознания и литературный жанр: в поисках источников жанра инвективы [Текст] / А. С. Краковяк // Вестник Оренбургского государственного университета: сборник науч. ст. – Оренбург: Изд-во ОГУ, 2006. - №11. – С. 93-101.
54. Краковяк, А. С. Инвектива Валерия Брюсова периода 1900-1922 гг. (жанровый аспект) [Текст] / А. С. Краковяк // PRZEGLĄD RUSYCYSTYCZNY. – 2013. – №2(142). – С. 89-101.
55. Краковяк, А. С., Матяш С. А. Проблема жанра инвективы в свете системно-субъектного подхода (на материале русской и польской поэзии периода второй мировой войны) [Текст] / А. С. Краковяк, С. А. Матяш // Памяти профессора В. П. Скобелева: проблемы поэтики и истории русской лите-

ратуры XIX-XX веков: межвузовский сборник науч. ст. – Самара: Изд-во СГУ, 2005. – С. 70-85.

56. Кронгауз, М. Русский язык на грани нервного срыва [Текст] / М. Кронгауз. – М. : Языки славянских культур, Знак, 2007. – 282 с.

57. Курьянович, А. В. Инвективные речевые жанры в пространстве современной межличностной коммуникации [Текст] / А. В. Курьянович // Вестник Томского государственного педагогического университета: сборник науч. ст. Серия: «Гуманитарные науки. Филология». – Томск: Изд-во ТПГУ, 2005. - №3(47). – С. 106-112.

58. Кусков, Г. В. Оскорбление как иллокутивный лингвокультурный концепт : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.05.04 [Текст] / Кубанский гос. технологич. ун-т. – Волгоград, 2004. – 27 с.

59. Латинско-русский словарь [Текст] / Сост. И. Х. Дворецкий, Д. Н. Корольков. - М, 1949. - С. 478-479.

60. Леонтьев, А. А. Психология общения [Текст] / А. А. Леонтьев. – Тарту, 1976. – С. 9-46.

61. Лихачев, Д. С. Литература - реальность – литература [Текст] / Д. С. Лихачев. - Л. : Сов. писатель, 1981. - 214 с.

62. Лотман, Ю. М. Анализ поэтического текста. Структура стиха: пособие для студентов [Текст] / Ю. М. Лотман. – Ленинград : Изд-во «Просвещение», 1972. – 272 с.

63. Маслова, В. А. Лингвокультурология. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений [Текст] – М. : Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.

64. Матвеева, О. Н. Функционирование конфликтных текстов в правовой сфере и особенности его лингвистического изучения (на материале текстов, вовлеченных в юридическую практику) : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Алтайский гос. ун-т. – Барнаул, 2004. – 33 с.

65. Матяш, С. А. Жанр инвективы в поэзии Ф. И. Тютчева [Текст] / С. А. Матяш // Вестник Оренбургского государственного университета: сборник науч. ст. – Оренбург: Изд-во ОГУ, 2007. - №77. – С. 36-43.
66. Николина, Н. А. Филологический анализ текста: учеб. пособие [Текст] / Н. А. Николина. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 256 с.
67. Новый толково-образовательный словарь русского языка [Электронный ресурс] / под ред. Т. Ефремовой. – Режим доступа: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Efremova-term-100760.htm>.
Дата обращения: 23.05.2017.
68. Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений [Текст] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. - 4-е изд., доп. — М. : ООО «А ТЕМП», 2006. — 944 с.
69. Орфографический словарь русского языка [Текст] / Под ред. С. И. Ожегова, А. Шапиро. – Изд-во: Гос. изд-во иностр. и национ. словарей. – М., 1957. – С. 36.
70. Остренкова, М. А. Лингвокультурологический анализ художественного текста на уроках словесности [Текст] / М. А. Остренкова // Ярославский педагогический вестник. – Том II (Психолого-педагогические науки). – Ярославль, 2012. – №3. – С. 113-117.
71. Позолотин, А. Ю. Инвективные обозначения человека как лингвокультурный феномен (на материале немецкого языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 30.06.05 / Волгоградский гос. пед. ун-т. – Волгоград, 2005. – 36 с.
72. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика [Текст] / З. Д. Попова, И. А. Стернин. - М.: АСТ: Восток-Запад, 2010. – 314 с.
73. Пропп, В. Я. Морфология сказки [Текст] / В. Я. Пропп. – М. : Лабиринт, 1998. – 152 с.
74. Реформатский, А. А. Введение в языкознание [Текст] / под ред. В. А. Виноградова. – М. : Аспект-Пресс, 1996. – 536 с.

75. Ромашов, Р. А. Лингвистические аспекты юридической конфликтологии [Текст] / Р. А. Ромашов // Юрислингвистика: русский язык и современное российское право. – 2007. - №8. – С. 55-57.

76. Саржина, О. В. Оскорбление словом (инвектива) как агрессивный дискурс [Текст] / О. В. Саржина // Юрислингвистика: русский язык и современное российское право. – 2007. - №8. – С. 257-267.

77. Сёрль, Дж. Косвенные речевые акты [Электронный ресурс] / Дж. Сёрль. – Режим доступа: http://www.classes.ru/grammar/159.new-in-linguistics-17/source/worddocuments/_5.htm. Дата обращения: 23.05.2017.

78. Скибина, С. Н. Жанр инвективы в творчестве Горация и его рецепция Г. Р. Державиным [Текст] / С. Н. Скибина // Вестник Оренбургского государственного университета: сборник науч. ст. – Оренбург: Изд-во ОГУ, 2011. - №11(130). – С. 31-36.

79. Словарь иностранных слов [Текст] / Под ред. Н. С. Арапова, Р. С. Кимягарова и др. - М., 1999. - С. 93.

80. Словарь русского языка в 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – Т.1, 2. М. : Русский язык, 1981–1984. – С. 131; 58.

81. Солганик, Г. Я. Стилистика текста : учеб. пособие [Текст] / Г. Я. Солганик. — М. : Флинта : Наука, 1997. — 256 с.

82. Степанов, Г. В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи [Текст] / Г. В. Степанов. – Ч.2. – М. : Наука, 1976. - С. 142-224.

83. Степанов, Ю. С. Концепт // Ю. С. Степанов. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования [Текст] - М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.

84. Степко, М. Л. Речевые средства выражения инвективных смыслов в жанре комментария публицистического дискурса (на материале современного английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Южный федеральный ун-т. – Майкоп, 2008. – 22 с.

85. Суслов, И. П. Лингвистическая прагматика [Электронный ресурс] / И. П. Суслов // гл. 6. Речевые акты в стандартной теории. – Режим доступа: <http://homepages.tversu.ru/~ips/Pragmg.html>. Дата обращения: 23.05.2017.
86. Тарасов, Е. Р. Язык и культура: Методологические проблемы [Текст] // Язык – Культура – Этнос. - М, 1994. - С. 107.
87. Телия, В. Н. Словарь образных выражений русского языка [Текст] М.: Отечество, 1995. — 368 с.
88. Ткаченко И. Г., Мурка Ю. Г. Подходы к трактовке текста и художественного концепта в современной лингвистике [Текст] / И. Г. Ткаченко, Ю.Г. Мурка // Филологические науки в России и за рубежом: материалы Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, февраль 2012 г.). — СПб.: Реноме, 2012. — С. 173-175.
89. Топоров, В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ : исследования в области мифопоэтического, избранное [Текст] / В. Н. Топоров. - М. : Издательская группа «Прогресс – Культура», 1995. — 624 с.
90. Третьякова, В. С. Конфликт глазами лингвиста [Текст] / В. С. Третьякова // Юрислингвистика: русский язык в его естественном и юридическом бытии. – 2002. - №2. – С. 127-140.
91. Уорф, Б. Л. Язык, мышление и действительность [Текст] / Б. Л. Уорф // Антология исследований культуры. Отражения культуры / сост. Л. А. Мостова. – СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2011. С. 96-129.
92. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь русского языка [Текст] / Д. Н. Ушаков. - М. : Альта-Принт, 2005. — 1216 с.
93. Файзуллина, А. Г. Сопоставительное изучение инвективной лексики в разноструктурных языках [Текст] / А. Г. Файзуллина // Юрислингвистика: русский язык и современное российское право. – 2007. - №8. – С. 293-301.
94. Фигуровский, И. А. Введение в общее языкознание. Курс лекций: пособие для студ.-заочн. фак-в рус. яз. и лит [Текст] / И. А. Фигуровский. — М. : Просвещение, 1969. — 232 с.

95. Филиппов, К. А. Лингвистика текста : курс лекций [Текст] / К. А. Филиппов. - СПб. : Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 2003. — 336 с.
96. Флоря, А. В. Интерпретация художественного текста: учебное пособие [Текст] / А. В. Флоря. - 2-е изд. – Москва: Флинта, 2014. – 152 с.
97. Франц, М. Л. Процесс индивидуации // Человек и его символы [Текст] М., 1998. – 198 с.
98. Фрейд, З. Психология бессознательного [Текст] / сост. М. Г. Ярошевская / З. Фрейд. – М. : Просвещение, 1990. – 448 с.
99. Фрумкина Р.М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога (концепт, категория, прототип) [Текст] // Научно-техн. информация, сер. 2. - 1992, № 3. – С. 235-241.
100. Фрумкина, Р. М. Лингвистика в поисках эпистемологии [Текст] / Р. М. Фрумкина // Лингвистика на исходе XX века: Итоги и перспективы. Тезисы Международной конференции. - М., 1995. – С. 104.
101. Хализев, В. Е. Теория литературы [Текст] / В. Е. Хализев. – М.: Высшая школа, 1999. – 240 с.
102. Хейт, А. Анна Ахматова. Поэтическое странствие [Текст] / А. Хейт. – М. : Радуга, 1991. – 384 с.
103. Хойджер, Г. Соотношение языка и культуры [Текст] / Г. Хойджер // Антология исследований культуры. Отражения культуры / сост. Л. А. Мостова. – СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2011. С. 7-45.
104. Чернышова, Т. В. Публичная речь сквозь призму инвективности (типологический этюд) [Текст] / Т. В. Чернышова // Юрислингвистика: русский язык и современное российское право. – 2007. - №8. – С. 270-276.
105. Чернышова, Т. В. Речевой жанр «оскорбление» в межличностном и публичном общении: к типологии конфликтообразующих признаков [Текст] / Т. В. Чернышова // Материалы научных конференций Алтайского государственного университета: сборник науч. ст. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2010. - №10. – С. 23-29.

106. Чернышова, Т. В. О пределах экспрессивности оценочных суждений в публичном тексте [Текст] / Т. В. Чернышова // Юрислингвистика: истина в языке и праве. – 2008. - №8. – С. 367-372.

107. Чернышова, Т. В., Голощапова, Е. В. Речевой жанр «оскорбление»: основания построения типологической модели (по материалам судебных постановлений) [Текст] / Т. В. Чернышова, Е. В. Голощапова // Университетская филология – образованию: регулятивная природа коммуникации: материалы II междунар. науч.-практич. конф. (Барнаул, 2009). – Ч. 1. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2009. - №8. – С. 94-98.

108. Шанский, Н. М. Лингвистический анализ и лингвистическое комментирование художественного текста [Текст] / Н. М. Шанский // Русский язык в школе. – 1983. -№3. – С. 53-62.

109. Шарифуллин, Б. Я. Инвектива: лингвистика vs. юриспруденция, или лингвистика atque юриспруденция [Текст] / Б. Я. Шарифуллин // Вестник Краснояр. гос. ун-та, серия «Гуманитарные науки». - Красноярск, 2000. -№2. - С. 93-96.

110. Шарифуллин, Б. Я. Проблема инвективы: лингвистический и юрислингвистический статус [Текст] / Б. Я. Шарифуллин // Юрислингвистика: русский язык и современное российское право. – 2007. - №8. – С. 301-306.

111. Шмелёва, Т. В. Жанроведение? Генеристика? Генология? [Текст] / Т. В. Шмелёва // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. - М., 2007. - С. 62-67.

112. Шмелёва, Т. В. Модель речевого жанра [Текст] / Т. В. Шмелёва // Жанры речи. – 1997. – Вып. 1. – С. 88-98.

113. Юнг, К. Психологические типы [Электронная версия] / Юнг К. // Пер. с нем. С. Лорие, под общ. ред. В. Зеленского. – Минск : Попурри, 1998. – 656 с.

114. Якобсон, Р. Семиотика коммуникации [Электронный ресурс] / Р. Якобсон // гл. I. Коммуникация в структуре человеческой цивилизации. Модель Романа Якобсона. – Режим доступа:

<http://www.niv.ru/doc/communications/pocheptsov/014.htm>. Дата обращения:
23.05.2017.

115. Яковлев, И. П. Основы теории коммуникации [Текст] / И. П. Яковлев : учебное пособие. — СПб. : Институт управления и экономики, 2001. — 230 с.